

Виктор Житинкин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Житинкин

Приключения. Фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651578

ISBN 9785449630186

Аннотация

За основу содержания приключенческих повестей входят описания уже свершившихся происшествий, свидетелем которых является сам автор. В большинстве мистических рассказов в качестве одного из героев участвует тоже автор. Однако большая часть мистических сюжетов написана со слов людей, якобы участвующих в тех описанных событиях и историях. Фантастические рассказы написаны просто и легко, чтение их доставляет даже наслаждение и превращается в настоящий отдых. Читайте и отдыхайте!

Содержание

ВИЗИТ	5
07.07.2015	18
ВОЗВРАЩЕНИЕ	19
ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВЫ	33
Ноябрь 2016 года	49
ВСТРЕЧА В ЛЕСУ	50
05.07.2014	54
МАРСИАНСКАЯ ИСТОРИЯ	55
25.11.2016	85
МЕДИЦИНСКАЯ ОШИБКА	86
16.04.2013	100
МУЗЫКА ЗА СТЕНОЙ	101
05.06.2015	106
ОКНО В ПРОШЛОЕ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Приключения. Фантастика

Виктор Житинкин

© Виктор Житинкин, 2019

ISBN 978-5-4496-3018-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИЗИТ

Сейчас на автобусных маршрутах редко, когда увидишь автобус, маленькие юркие маршрутки заняли их места. Но в тот день Алексею везло, к остановке подошел автобус, на котором можно было доехать прямо до дома без пересадок. Выбрав место посреди автобуса, он сел, у окна находился человек. Алексей как-то неловко сел и задел этого человека, возможно, причинив ему неудобство. Алексей извинился перед ним, а он ответил, чуть повернув голову:

– Ничего. Не стоит извинений.

Его лицо показалось Алексею хорошо знакомым. На кого-то похож этот человек. Тем более, кажется, что Алексей видел этого человека совсем недавно, возможно, в течение сегодняшнего дня. Всю дорогу он не поворачивал головы в его сторону, все думал о соседе, сидящем рядом с ним. Где? Ну, где же видел он его? Об имени и говорить было нечего. Хоть убей, не вспомнить.

Сидящий рядом мужчина вел себя по-другому. Алексей чувствовал его взгляд на себе, тот не сводил с него своих глаз. Он глядел на Алексея долго, остановки три остались позади за это время. Наконец, Алексей услышал его хорошо знакомый голос:

– Простите! Вам не кажется, что мы с вами сегодня уже где-то встречались?

Алексей повернул голову и стал внимательно всматриваться в его лицо, в его серо-голубые глаза, нос. Ну, не снился же он ему сегодня ночью, а Алексей готов поклясться, что видел этого человека именно сегодня.

Алексей осторожно сказал ему:

– Да и вас будто с утра сегодня я уже встречал где-то, только где, не припомню никак. Я тоже думаю об этом. Кстати, и голос ваш мне почему-то кажется знакомым, словно вы – мой родственник и я слышу ваш голос каждый день.

– Молодой человек, не знаю, как вас по имени...

– Алексей, – протянул ему руку Алексей.

– Удивительно! Я тоже Алексей! Так вот, Алексей, я тут рядом живу, купили квартиру в новом доме, давай-ка, зайдем ко мне в гости, мне так любопытно узнать, где же мы с тобой виделись. Ты, словно брат мне, такого со мной еще не бывало, не могу отпустить тебя просто так.

– Да и мне интересно стало это дело. А жена, что скажет? Кого привел?

– Нет, не такая она у меня. Мы все вдвоем, да вдвоем, а тут, вдруг, такой гость. Нет, не подумай, мы не одиноки, две дочери у нас – Мария и Лиза. Только много лет прошло, как улетели две голубки от нас. Внуки уже есть! Даша, дочь старшенькой нашей, та в отца пошла, выше меня росточком, моя красавица. А у младшенькой дочери – малыши еще совсем: девочка и мальчик. Живут отдельно, но не далеко, с матерью по телефону каждый день общаются, и она к ним почти

каждый день ездит, помогает присматривать за внучатами. Так что, давай, поднимайся с сиденья-то, да на выход. Сейчас наша остановка будет.

Словно под гипнозом, Алексей встал и направился к выходу, позади него поспешал его новый знакомый. Автобус остановился в красивом месте нового микрорайона. Дом, на который показал тезка, стоял недалеко от остановки, и Алексей подумал, что легко будет возвращаться, тут не заблудишься. Прямо за двором дома начинался бескрайний сосновый бор.

– Жену-то мою Евгенией зовут, Женей, значит. Мы с ней оба на пенсии уже. Ждет она меня сейчас, а я вот припозднился немного.

У Алексея, от его слов, защемило сердце, а в голове все перепуталось: это у него жена Евгения и две дочери: Мария и Лиза. Разница лишь в том, что, по словам тезки, разлетелись его дочери, но у него-то рано еще дочерям разлетаться, школу только заканчивают. Просто, какой-то сдвиг временной просматривается. Словно, все повторяется.

Дом, куда привел Алексея новый знакомый, был совсем недавно сдан в эксплуатацию, люди только что въехали, и потому, не работал еще ни лифт, ни мусоропровод.

Об этом он успел рассказать, пока они поднимались пешком по бесконечным лестничным маршам. Поднимались долго, но на какой этаж – неизвестно, номера этажей еще не были написаны на стенах напротив лифтов, да и квартир-

ные номера еще не прикручены, а те, что были написаны строителями мелом, стерлись уже. А спрашивать у нового знакомого он не стал, какая разница, на каком этаже он будет в гостях.

Наконец, они остановились напротив одной двери с правой стороны, на которой тоже не было еще номера, тетка нажал на кнопку звонка, и пропустил Алексея вперед. Дверь открыла женщина, очень похожая на жену Алексея. Только, во взгляде ее он разглядел тоску и усталость, отчего выглядела она гораздо старше его жены. Видя такое сходство, он оторопел до такой степени, что не заметил, как переступил порог и оказался в квартире.

– Дверь-то, закрывать надо, – немного ворчливо сказала она. – От запаха краски голова целый день болела, никуда не сбежать от него. Оставил меня одну, за таблетками от головной боли сходить некому, а сама до аптеки не решаюсь идти, плохо себя чувствую.

Алексей оглянулся, ища глазами своего тезку, даже выглянул в приоткрытую дверь, но его там, словно и не бывало, не было слышно, ни его голоса, ни его шагов. Странное что-то твориться.

– Кого ты там, за дверями, оставил?

– Так, я же не сам пришел, меня Алексей привел, тетка мой – растерянно бормотал мужчина, совершенно не понимая, что происходит.

– Давно это тебя домой приводить стали? – съехидничала

женщина.

– Я к вам в гости пришел. С Алексеем и по его приглашению. А он куда-то исчез.

– Леша! Что с тобой происходит? Хватит меня пугать. Раздевайся, да обедать садись. Где тебя так долго носило? Давай, давай! Быстрее!

Обескураженный, безвольно повинуюсь распоряжениям женщины, Алексей разделся и осторожно пробрался на кухню. В большой кухне все было отделано по последнему слову. Таким интерьером они с женой могли любоваться только во снах. Ах, как мечтает о такой кухне его жена, да все как-то не сходятся ее желания с его возможностями. Алексей уселся за стол и, в ожидании появления пропавшего тезки, от души поел, поскольку был очень голоден. Попробовал буквально все, и все ему очень понравилось, дома жена готовит так же вкусно. Собрав грязную посуду, Алексей сунул ее в мойку, залил водой, как всегда поступал после еды у себя дома и только собрался ее помыть, как в кухню вошла все та же женщина и выпроводила его из кухни со словами:

– Иди, посмотри лучше почту. Тебе много корреспонденции пришло. Тебе пятнадцать минут хватит? «А после – задание будет», – сказала она, а когда он уже выходил из кухни, проворчала. – Вот человек! К посудомоечной

машинке привыкать не хочет, не муж, а консерватор какой-то!

На журнальном столике у окна, большого и приоткрыто-

го, лежала стопка журналов и газет. Между ними оказались и письма, предназначенные именно ему, Алексею. Его имя отчество и фамилия фигурировали на каждом месте получателя в левом углу длинных конвертов со странным штампом и датой, которая привела в ужас гостя.

Да и гость ли он? Нет. Тут, видимо, с головой что-то не то.

Перебирая журналы и газеты, он смотрел на даты их выхода в свет. Все говорило о том, что люди в этой квартире живут в будущем, во времени, ровно на двадцать лет старше того, из которого пришел сюда Алексей.

Начала болеть голова, он сжал ее ладонями рук и завыл, словно запел, протяжно и грустно. На эти звуки в гостиную вошла Женя, она с тревогой посмотрела на него и спросила:

– Леша! Что случилось?

– Да я сам хотел бы знать. Будьте добры, объясните мне все, что здесь происходит? Кто я такой?

– Леша, голубчик, не пугай меня! Пришел ты какой-то странный, искал кого-то, ведешь себя в манере, не свойственной тебе, выглядишь как мальчишка – не по годам, подстригся, что ли. Да еще интересуешься, кто ты такой, – она, обвив руками его шею, села к нему на колени и прижала его лицо к своей груди. – Ты добиваешься, чтобы я сказала, что ты – мой муж? Неужели все забыл? Ты помнишь, как в нашем старом доме, сразу после свадьбы, мы спали с тобой на чердаке, чтобы никому не мешать и нам, чтобы не мешали люди.

– Это я все помню, только не помню, почему я здесь, в этой квартире?

– Чудак! Мы же купили эту квартиру совсем недавно, а раньше жили по адресу... – она назвала его адрес, назвав его квартиру старой.

– Женья! Можно мне тебя так называть?

– Не прикидывайся глупеньким!

– И не думаю. Женья, мне кажется, что я в этой квартире никогда не был. Что хочешь со мной делай! А ну-ка, скажи, где сейчас наши девочки? Я не вижу в этой квартире ничего, что могло бы принадлежать им.

– Ты сошел с ума! Или ты просто разыгрываешь меня? Если будешь продолжать вести себя в том же духе, ей богу, обижусь, – предупредила она. – Все! Все, все! Поиграл, и хватит.

– Нет! Ты не ответила мне на мой вопрос: где наши девочки?

– Ты точно сошел с ума! У тебя уже внуки есть! Трое!

– Как тебя понять? – продолжал Алексей.

– У меня голова заболит снова, если не закончишь издеваться надо мной. Давление поднимется.

– И давно оно у тебя стало подниматься от волнения? – удивился он.

– Прошу тебя, прекрати! – она поглядела ему в глаза, улыбнулась и поцеловала его в краешек губ. – Лешка, я так соскучилась по тебе, ведь мы уже лет пять спим по разным

кроватям и все это время я не чувствую мужской ласки. Ты просидишь у своего компьютера, за полночь завалишься на свой диван, и до утра только и слышу твой храп.

– Женечка! Ты, наверное, не про меня говоришь?

– Что?

– Все, все! Говори, что нужно сделать по дому? Я искуплю свою вину.

– Ну вот, с того бы и начинал. Так! Сначала ты соберешь весь мусор около своего компьютера, сложишь все в мешок,хватишь мусор с кухни и вынесешь на улицу в контейнер. Мне очень трудно подниматься по лестнице. Когда же наладят этот лифт?

Алексей направился в свою комнату, совершенно не зная, которая дверь ведет туда. Он заскочил в спальню, выбежал из нее и обратил внимание на неподдельный испуг в глазах Жени, наблюдавшей за ним. Осталась всего одна дверь, куда нужно было заскочить и собрать весь мусор. Ошибки тут не должно было быть.

Он долго выбирал испорченные листы бумаги, старые газеты, лежавшие на полу, все делал так, чтобы не выбросить что-то нужное и не навредить своему тезке, Алексею, пропавшему неизвестно куда. Ведь и жена его не ищет, если только это – его жена. Она – точная копия его, Алексея, жены, тоже Евгении, только на двадцать лет старше ее. В голове все мысли перепутались и не поддавались логическому умозаключению.

Дверь в кабинет, где работал Алексей, сортировал мусор, открылась, вошла Женя и протянула ему телефон:

– Кто еще там? – испугано спросил Алексей, взглянув в глаза женщины, неизвестно кем приходящейся ему, но трубку взял и сказал:

– Алло, слушаю вас.

– Пап, ну что это такое? Почему мама плачет? – говорила в трубке Мария, старшая дочь Алексея. – Не обижай ее, ведь вы уже не так молоды, чтобы доводить друг друга до сумасшествия. Да, привет тебе от Даши.

– Кто это такая – Даша? Подруга?

– Да. Видимо, действительно с тобой что-то происходит. Мы с твоей внучкой Дашенькой сейчас же едем к вам. Не уходи никуда, – связь прервалась.

Алексей протянул трубку Жене, стоящей в дверях и прижавшей голову к косяку.

– До нее Лиза звонила, они все четверо сейчас приедут. Так что, наводи порядок, встречать гостей будем. Я стол буду накрывать, помоги только мне его разложить.

Алексей собрал бумаги, сложил их в мешок, помог Жене разложить стол, собрал весь мусор на кухне и сложил его у самого выхода, нужно было еще одеться.

Он надевал на себя одежду, в которой пришел, к нему подошла Женя, прижалась к его груди и обвила его руками.

На душе Алексея становилось все тоскливее, но горячее дыхание женщины, кажется, проникало до сердца. И тут она

сказала:

– Ты опять забыл, что у нас сегодня день нашей свадьбы, сорок один год живем вместе, а друг друга так и не научились понимать. Вынеси мусор, да мне поможешь. Я попросила девчонок купить хорошего вина на наш стол и еще, самое главное.... Вроде, как-то и неловко тебе сказать, но я скажу: лет пять, как мы с тобой спим в разных кроватях, я уже соскучилась по твоим горячим рукам. Так что, извини, но сегодня мы спим вместе, я сделала нам подарок: уже выбросила наши кровати, а пока ты ездил куда-то, я купила нам в спальню одну большую и красивую кровать. Заказ сделала по Интернету. Все работы выполнили два паренька из магазина. На ней-то и будем мы спать

всю оставшуюся жизнь и всегда только вдвоем. Ты согласен со мной? Тогда, поцелуй меня.

Алексей, загруженный мешками с мусором, осторожно переступал со ступеньки на ступеньку, уступая дорогу поднимавшимся вверх людям. Он вытащил свою поклажу на бетонное крыльцо, покрутил головой по сторонам, отыскал глазами контейнеры для мусора и понес мешки туда, в самую середину двора. Дотащив мусор до металлических ящиков, он аккуратно сложил внутрь мешки, похлопал ладонями, освобождаясь от пыли, привел в порядок одежду, поправил кепи на голове и пошел.

Но... оказалось, что он не запомнил, в каком подъезде только что был, откуда вытащил эти злополучные мешки

с бумагой и мусором. Он пересчитал подъезды дома, всего-то восемь подъездов, а какой этаж? В большой растерянности он стоял и смотрел на большой дом, который выплюнул его только что, а принимать обратно не хотел.

Сначала у Алексея вспотели уши, волосы под кепи стали мокрыми. Как попасть в ту квартиру, где он сейчас был? Потом, вдруг, застыли руки и ноги, он пошел, что толку стоять, искать надо. Может быть, следует подождать, ведь, должны приехать чьи-то дочери на торжество родителей, нужно только не пропустить этот момент, когда они приедут.

Ему ужасно захотелось попасть, вернуться, к женщине в пустой квартире. Он, не дождавшись приезда детей, кинулся в подъезд, который, по его предположению, более всего подходил для поиска квартиры, побежал вверх по лестнице, пробежал несколько этажей, но все двери были похожи одна на другую. Тогда он стал звонить во все двери, расположенные с правой стороны. Из проемов выглядывали люди: мужчины, женщины, но это были чужие люди. А ему нужна была она, родная и единственная, которая считает его своим мужем. А если, это – правда? Находясь в безвыходном положении, он остановился где-то на середине лестничных маршей и закричал:

– Женья! – он кричал что есть силы.

Покричав, он прислушался, не ответит ли ему знакомый и милый голос, не позовет ли его «домой». Но кругом – тишина.

Он выскочил на улицу, машины у подъездов уже не стояли, вечерело, в окнах зажигался свет, задерживались шторы на окнах нижних этажей. Он отошел ближе к середине двора и еще раз, приложив все силы в легкие, закричал, как раненый зверь в предчувствии смерти. Только, снова никто не ответил на его призыв, только его крик возвратился к нему эхом. Он долго стоял еще посреди двора и разглядывал дом в надежде, что мелькнет в каком-нибудь окне знакомый силуэт красивой женщины. Ожиданием он тешил свое сознание и, еле теплившуюся там надежду.

Ближе к полуночи, когда светящимися во всем доме оставались лишь несколько окон, и уже пропала надежда найти женщину, ту самую женщину, которую сегодня нашел и сейчас потерял, он пошел по направлению к автобусной остановке, на которой уже не было людей, да и вряд ли уже ходили автобусы. Постояв немного на остановке, он пошел пешком. К утру приду, подумал он, усмехнувшись, но пришел раньше. Дверь ключом почему-то плохо открывалась, открыли изнутри, открыла жена, Женя.

– Дверь-то за собой закрывать нужно, – немного ворчливо сказала она, когда он вошел в прихожую, оставив дверь приоткрытой. – Весь запах из подъезда в квартиру лезет, голова трещит целый день, а дома даже таблеток от головной боли нет.

Алексей оторопел, он сегодня уже слышал такое, или, почти такое, замечание, но сказанное ему тем – же голосом.

– Я не спала, все ждала тебя. Где же ты ходишь? А ты опять забыл, что сегодня день нашей свадьбы, двадцать один год, как мы вместе, – попрекнула она. – Девчонки уснули, расстроенные, что отец загулял где-то.

– Прости меня, Женечка! – сказал Алексей.

А потом он долго смотрел в любимые глаза любимой женщины и, затем, тихо сказал:

– Я был на свидании. Кажется, с тобой. Ты была такая усталая и старше меня на целых двадцать лет.

Только Женя не придавала его словам никакого значения, потому, что считала своего мужа неисправимым романтиком и фантазером.

07.07.2015

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На свадьбе было весело, но спокойно. Свадьба была похожа на разыгранный спектакль, красивый спектакль. Молодожены были интеллигентны, потому и друзья их, приглашенные на свадьбу, тоже соответствовали им. Тамада, женщина лет сорока, немного полновата, но энергична, с успехом справлялась с проведением свадьбы по сценарию, где все гости были актерами. Молодежь с удовольствием становилась героями очередного розыгрыша комичных ситуаций, которые, обычно, заканчивались весело и назидательно для жениха или невесты. Напиваться, пожалуй, не хотелось никому, или переход к такому состоянию откладывался на самый конец этого мероприятия всеми гостями для того, чтобы пока есть такая возможность повеселиться, воспользоваться ею. Для каждого розыгрыша у тамады были подготовлены яркие костюмы, она переодевала в них очередных героев, которых сама выбирала из числа гостей, обучала словам и действиям, и демонстрировался этот маленький спектакль под громкие аплодисменты, смех и крики оставшихся гостей, которые в этот момент оказывались только зрителями. Все эти спектакли крутились только лишь вокруг жениха с невестой с их самым активным участием.

Виктор Михайлович, отец невесты, был немного не в духе, но такое его состояние исходило лишь от его самого: скакало

давление, тяжесть в голове и в груди. Чтобы выйти из него, он, когда прошла уже вся торжественная часть, поставил перед собой большую бутылку водки и, пользуясь занятостью своей супруги, Валентины Григорьевны, которая была вовлечена во все мероприятия тамады, стал частенько подливать себе в стопочку этой энергетической жидкости. Сложилось так, что именно на этом участке стола собрались люди малопьющие, и, потому, ему не приходилось кого-то упрасивать выпить вместе с ним, или ждать очередного общего тоста.

Веселье было еще в самом разгаре, когда он почувствовал себя совершенно плохо. Сказав об этом своей жене, он надумал все же удалиться со свадьбы, чтобы не быть обузой для всех. Еще не хватало, чтобы вместо жениха с невестой, он оказался в центре внимания всех гостей. Нашлись люди, готовые проводить его, свадьба проходила в небольшом кафе не далеко от дома Виктора Михайловича.

Оказавшись в постели, он ни минуты не лежал в сознании, все куда-то провалилось, улетело, пропало.

Очнулся он оттого, что кто-то тормошил его, пытался переворачивать или, возможно, пытался посадить. Белые халаты, мелькавшие перед глазами, не интересовали его, он был ко всему равнодушен, просто, он не мог понять, да и не хотел этого делать, что же все-таки происходит? Над ним склонялись, о чем-то спрашивали, но их голоса сливались в его сознании в монотонный гул. Безразлично заметил он, как без-

жизненно упала на простыню его правая рука, поднятая каким-то человеком, одетым в белое, он не чувствовал этого падения, рука была чья-то, но не его. Он и сам бы мог так просто подкинуть эту руку, да и вообще столкнуть ее с кровати. Около кровати, у его ног, стояла красивая темноволосая женщина, вроде как, знакомая ему своей внешностью, она тревожно смотрела прямо в его глаза, подперев свой подбородок небольшой пухленькой ручкой. Голоса у головы сплетались, плавали и становились то тише, то громче. Они становились все настойчивее, что-то требовали от него, а он, не отрываясь, все продолжал смотреть на женщину, словно ждал только от нее какой-то команды. Она словно поняла его: оторвала руки от подбородка и сделала ими жест, словно просила подняться, оторваться от постели. Он попытался это сделать, но не сдвинулся даже с места. Хотел оттолкнуться от кровати, но не знал, как это сделать, он увидел толькодвигающуюся руку и подчиняющуюся ему, он ею чувствовал соприкосновения с кроватью. Он, желая выполнить требования темненькой женщины, что есть сил, оттолкнулся от постели и, даже, хотел взмахнуть ногами, чтобы подняться и сесть. Взлетела в воздух лишь одна нога и уперлась в постель только одна рука. Он неловко завалился на бок, лег на чужую руку и, оказавшись на краю кровати, соскользнул с нее и оказался на полу, ударившись лицом. Только боли он не почувствовал, он с трудом стал поворачивать голову, чтобы посмотреть на ту женщину, которая подала ему знак

подняться. Кто-то пытался приподнять его, он же пытался понять, почему не может ничего сделать и, представляете, сообразил, что нужно рассчитывать только на ту руку, которая подчинялась его сознанию, мутному и совсем бестолковому, но его сознанию. Нужно только немного приспособиться к такой односторонней неловкости. Одну сторону его приподнимали люди в белой одежде, он же сам изо всех сил стал работать рукой и ногой с другой стороны. Его усадили на кровать, придерживая со всех сторон, о чем-то спрашивали, он не воспринимал их, а вел себя так, словно все это происходило с кем-то другим, только сердце его бешено колотилось в груди.

Туман перед глазами понемногу стал пропадать, изображения людей прояснялись, совершенно четко он увидел хорошенькую темноволосую женщину, казавшуюся ему знакомой. Он думал о ней и решил про себя, что она все-таки ему приходится своей, но только кем? Он не сводил с нее глаз даже тогда, когда его приподняли и поволокли куда-то на выход, а, затем, на улицу, втащили в машину и повезли куда-то. Она была рядом с ним всю поездку и осталась даже там, куда они прибыли.

Прибыв в больницу и успокоившись немного, он вновь впал в беспамятство, плохо чувствовал боль, когда ему ставили капельницы, ковыряясь в вене острой иглой, плохо реагировал на окрик. На следующий день во время обхода, лечащий врач, прежде чем начать говорить, несколько раз по-

шлепала его по щекам и, когда он открыл глаза, доктор склонилась над ним и громко сказала:

– Виктор Михайлович! Вы слышите меня?

Он лежал, не понимая, что он него требуют, но он слышал, что кто-то говорит и, вроде бы, спрашивает о чем-то. Пока он так думал, окрик повторился:

– Вы слышите меня, Виктор Михайлович?

Да, это вроде бы кого-то зовут. Не его ли, случайно? Да, да, это же зовет кто-то его. Как хочется ответить, но как это сделать? Никак не собраться.

– Если слышите меня, хлопните глазами!

Это легко сделать. Хлопнуть глазами это просто. Он закрыл глаза, и сразу же, хоровод мерцающих звездочек завертелся, закружился в глазах, вызывая тошноту.

– Откройте глаза! Слышите?

Он снова открыл глаза и, увидев человека в белом халате, хрипло сказал:

– Да.

В дреме, в бессознательном состоянии быстро пролетало время, меняясь на глазах: то темное время суток, то, вдруг, светлое. Просыпаясь, он стал задумываться о своем состоянии, стал вспоминать все с самого начала: кто он такой, почему он здесь, кем приходится ему та хорошенькая женщина, которая ухаживает за ним и спит на соседней кровати. С каждым днем, с каждым часом, он все больше вспоминал о себе, о своих детях, о жене, которая взяла на себя эту бла-

городную, но неблагодарную работу – ухаживать за умирающим человеком. Вот и теперь, она подходит к нему, склоняется над ним и спрашивает:

– Пить хочешь?

Можно еще стерпеть, не пить. Главное, дать ей возможность отдохнуть, пусть полежит, лучше. Ночь опять будет беспокойная.

Он отрицательно качает головой и говорит:

– Спасибо тебе за все.

– Вот уже неделю мы с тобой здесь. Сколько еще пролежим? Кто нас кормить-то будет? Дочкам на шею сядем? Так у них свои семьи, своих забот полно. Нельзя нам с тобой болеть, выздоравливай быстрее. Встанешь на ноги, я стану работать.

Она уходила на свою кровать и ложилась, а ее разговор застревал в его мозгах. Весь долгий вечер он лежал с открытыми глазами и думал над ее словами. Боязни умереть не было. Если не последует выздоровление, лучше исчезнуть совсем, думал он. Только как это сделать? Он лежал и думал о том, как сложится судьба у их детей в его отсутствие, как будет доживать свой век его жена, и с кем? Хотелось, чтобы все у них получилось в жизни. Должно получиться все хорошо. Ведь они умные. Получится, обязательно все получится в их жизни. Полный оптимизма, он засыпал. А этой ночью ему приснился странный сон, который оказался еще и вещим.

Он увидел себя в какой-то пещере, может и не в пеще-

ре, но дневного света не было видно, но и темноты не было. Перед ним стояла большая, даже, огромная женщина, монстр. Лица ее он не разглядел. Громовым голосом она говорила ему:

– Витенька! Сынок! Как хорошо, что ты приехал повидаться со мной! Спасибо тебе за это. Но, вот тебе деньги на обратный проезд. Смотри, чтобы завтра твоего духу здесь не было. Уезжай! Немедленно уезжай!

– Мама! – отвечал он. – О каких деньгах ты ведешь разговор? Билет я куплю сам. Что, я до старости лет буду брать у тебя деньги?

– Я сказала тебе: вот деньги и чтоб духу твоего здесь не было. Понял?

Вобщем, прогнала мать сына, и в тот же миг он проснулся, значит, вернулся, хоть и не помнит, взял ли деньги у матери. Открыл глаза. Светало. Он стал вспоминать этот довольно страшный сон. Свою мать во сне он видел живой, не смотря на то, что умерла она уже больше двадцати лет тому назад. И размеры ее были слишком велики для той доброй и маленькой старушки, какой он видел ее в последний раз. А какой голос! Словно гром грохотал!

Рассуждая так, он не заметил, как вытащил из-под одеяла свою правую руку и почесал ею зачесавшийся кончик уха с правой стороны головы. Сделав так, он удивился своему преображению: что это? Мертвая рука ожила? Тогда, кто мог это сделать – оживить всю правую его сторону. Нога тоже

стала подавать признаки жизни: легко сгибалась и разгибалась в колене. У него невольно вырвалось:

– Валенька! Валя!

Послышались шаги, она склонилась над ним:

– Пить? Ведь, я же предлагала тебе попить. Отказался. Ой, что я говорю, ведь утро уже. Все-то я проспала!

– Нет, Валенька, погляди, – он вытащил правую руку из-под одеяла и погладил ею волосы жены.

Валя с большим интересом разглядывала его руку, как будто искала какой-то подвох.

– Если я ущипну твою руку, ты почувствуешь? У тебя вроде бы даже и голос другой стал и еще, ты перестал прищепывать языком! Господи! Слава тебе, господи! Давай, подымайся, садись.

Он, с трудом, но поднялся, опершись руками о кровать, опустил с кровати левую ногу, второй ноге он помог рукой и сел, свесив обе ноги с кровати.

– Валенька! – воскликнул он. – Ты это видела?

– Витька! Что случилось? Почему вдруг, так?

– Валенька! Мне сон приснился...

– Да, брось ты со снами! Я тебя серьезно спрашиваю. Что успело произойти?

– Ты же просила вчера, чтобы я быстрее вставал на ноги, вот и приснился мне сон...

– Дурочка-то не валяй с этими снами!

Ну, что мог ответить он ей? Пока, просто промолчал.

Но как приятно было завтракать. Он ел сам, держа ложку правой рукой, с удовольствием глотал пшеничную кашу и очень сожалел, видя, как быстро она кончается.

Перед приходом врача, они успели заправить по-человечески кровать, он лег в постель, она накрыла его одеялом, закрыв по самый подбородок. На необыкновенно чистую голову, вдруг, навалилась настоящая дрема, он заснул. По щекам легонько ударили, и громкий голос сказал:

– Виктор Михайлович! Проснитесь! Вы слышите меня?

Легко открыв глаза, он улыбнулся женщине в белом, склонившейся над ним и медленно вытащив из-под одеяла свою больную руку, протянул ее доктору, чтобы поздороваться. Слегка ошарашенная женщина сначала не могла понять, что бы все это значило. Затем она стала разглядывать и щупать сначала протянутую ей руку, потом нашла под одеялом и вытащила вторую руку. Она смотрела на них, переводя свой взгляд с одной руки на другую, словно сравнивая и, в то же время, ничего не понимая. Потом, осознав все, спросила:

– Когда?

– Сегодня, под самое утро. Рассветало уже, – вместо него ответила врачу жена.

– Ну, что ж, бывает и такое, – сказала, заулыбавшись, доктор. – Судьба.

В течение месяца, нога и рука, вроде бы, пришли в порядок, сознание тоже стало ясным. Дело в том, что как в руке,

так и в ноге не было той силы, что до болезни. Спускаясь как-то с горки и немного разогнавшись, он резко наступил на больную ногу, она не вынесла нагрузки и подогнулась. Он упал, как подкошенный, несколько раз кувыркнулся, ударился о булыжники, которыми был укреплен этот спуск, с трудом поднялся с земли и сел на камень, не в силах двигаться дальше. Мимо проходили разные люди, знакомые и незнакомые. Они глядели на него, кто-то с сочувствием, кто с неприязнью, принимая сидящего на камне грязного и травмированного человека за поддатого бродяжку, кувыркающегося по кособоку от чрезмерного употребления спиртного. Ноги не держат, но отчего они не держат, всем не станешь объяснять.

На работе дела тоже не складываются. Работая в частном предприятии, он, как-то, попытался быстро сменить не вовремя сгоревшую лампу на входе в офис. В это время должен был появиться «хозяин» фирмы. И он появился, тоже не вовремя. Увидев на стремянке человека с лампой в руке, который не был электриком, хозяин окликнул его по имени. Он растерялся, стены помещения, казалось, закружились вихрем вокруг него, и... Да, он упал. Свалился на пол вместе со стремянкой и, как червяк, рассеченный лопатой садовода, извивался и корчился на полу, пытаясь подняться с пола. Хозяин перешагнул через него, не сказав ни слова. Но, через несколько минут, его пригласили к бухгалтеру, чтобы получить расчет.

Для устройства на новую работу пришлось проходить медицинскую комиссию. Он сделал все, чтобы в руки врачей комиссии не попали документы и записи в медицинской книжке о перенесенной болезни. Сделал все – это значит, что он попросту изъясил из книжки все лишнее. Подвел маленький клочок бумаги, вклеенный в книжку и написанный таким противным почерком, что он не разобрался в нем и этот клочок как раз и подвел его. В работе ему, естественно было отказано. Борьба с болезнью превратилась в сражение за существование.

Повторный инсульт вернул его в палату интенсивной терапии. Курс лечения начался снова. Несмотря на то, что состояние его было критическим, он слышал все, что происходило вокруг него. Он почти не двигался, глаза открывались с трудом и очень редко. Порой, лечащий врач, похлопав его по щекам и покричав:

– Виктор Михайлович! Вы слышите меня? Посмотрите на меня! – и не получив ответа, слушала его, измеряла давление и уходила, покачивая головой.

Он слышал все, что говорила врач, но он находился в таком состоянии, что не хотелось ничего делать, не хотелось даже пытаться что-то выполнить, даже открыть глаза. Он был равнодушен ко всему. Что интересно, однако, услышал, как кто-то рядом говорил о том, что при первом инсульте умирает примерно сорок процентов больных, а при втором – шестьдесят пять. Говорили люди, уверенные в том, что он

не слышит их. Но ему почему-то показались интересными эти цифры, и он стал в уме складывать их, получилась сумма, превышающая сто процентов. Он критически подошел к этому вопросу и отметил про себя, что он, видимо, сейчас уже не живой. Даже, когда он был в таком состоянии, чувство юмора не покинуло его. Значит, жива была еще в его душе надежда, поскольку она покидает сознание человека последней. Снова пропало время, его можно было только видеть, но не считать: день за окном палаты интенсивной терапии или ночь. Сознание было в голове, но как понять, нормальное оно или нет? Решил проверить.

Пришла доктор, похлопала по щекам, переговорила с его женой. Ничего нового не сказали, он успокоился. В палату, видимо, вошла заведующая отделением и подошла к его кровати.

– Вы будете осматривать больного? – спросила доктор.

– Что с ним? – спросила заведующая.

– Повторный ишемический инсульт, – сказала доктор диагноз. Затем: – Куда же вы? А с осмотром как?

– А зачем? – ответила заведующая и хлопнула входная дверь.

– Ну, вот! – сказала доктор.

Послышалось всхлипывание его жены. Доктор тоже ушла, а его взяло зло, наверное, все стали считать, что он все равно умрет. Напрасно. Назло всем нужно встать на ноги. Сегодня он наберется сил, хорошо выспится ночью, а завтра всем

покажет... Особенно этой, заведующей, которая уже, наверное, похоронила его.

Целый день он с нетерпением ждал ночь, чтобы выспаться, как следует. Жена перед сном напоила его клюквенным морсом, и он почти сразу же отключился.

Вдруг, ему показалось, что он стоит перед большим рубленым домом. Ему нестерпимо захотелось войти в него, но все ворота были закрыты и окна тоже. Он с трудом дотянулся до красивого резного наличника окна, приподнявшись на цыпочках, и постучался. Никто не появился. Тогда, он повторил стук и отошел назад, чтобы видеть окно. Штора отодвинулась и красивая женщина с длинными распущенными волосами, увидев его, нахмурилась, и, не говоря ни слова, стала показывать ему рукой, чтобы он быстрее ушел. Не понимая, в чем дело, он стал делать жесты женщине, чтобы она впустила его, тем более что в ней, в этой длинноволосой и красивой женщине он признал свою мать. Но взгляд ее стал совсем сердитым, и она еще быстрее замахала рукой, веля ему убираться немедленно. Ему ничего не оставалось делать, как развернуться и уйти. В голове осталась только обида, он всхлипнул и открыл глаза, уже светало. Он потянулся рукой к полотенцу на овальной спинке кровати, взял его, протер лицо от подсыхающих слез и снова повесил его на место. Он давно не открывал глаз, да тут, и рассматривать-то совсем нечего: голые белые стены, такой же потолок, большая входная дверь, и тоже белая, на коричневом полу стоят две кро-

вати, на одной из них он, а на другой, должно быть, его жена. Надо же, как хочется поговорить с ней, да будить не хочется. Сколько неприятностей он принес ей! Бедная женщина! Надо быстрее выкарабкиваться из этой ямы и постараться сделать так, чтобы ей с ним жилось просто и легко. Он попробует это сделать, он будет стараться это сделать!

– Валенька! – вырвалось у него.

Она шевельнулась.

– Валенька! – позвал он еще раз.

Она подняла голову, вылезла из постели и подошла к нему. Она склонилась над ним:

– Это ты позвал меня?

– Да, это я.

– Значит, ты вернулся?

– Да, вернулся.

– Постарайся не уходить от меня так надолго.

– Ладно.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВЫ

В воскресные дни или по вечерам в будни, когда весь медицинский персонал в больнице куда-то исчезал, словно рассасывался, и контролировать больных было некому, в палатах становилось тихо и скучно. Чтение книг тоже надоедало, поэтому, ходячие больные собирались в небольшие группы начинали рассказывать друг другу удивительные истории. Когда и они заканчивались, становилось совсем скучно. Лежать было не вмоготу и, любой визит человека со стороны доставлял истинное удовольствие всем обитателям палаты.

Однажды, в субботний вечер, когда делать было совершенно нечего, а лежать, как было сказано, становилось не вмоготу, в нашу палату заглянул крепкий мужчина, лет семидесяти от роду. Зашел он, по всей вероятности, по этой же причине, чтобы разогнать скуку, к одному из наших больных, мало-мальски знакомому ему и, поздоровавшись со всеми, присел на его кровать, с краю. На наше счастье, оказался он «непревзойденным балагуром», чем доставил много удовольствия всем больным в палате. Вот от этого я и услышал истории, в истинность которых некоторые люди совершенно не верили, зато другие, реально представляющие все события, о которых рассказывал этот человек, словно замороженные сидели и слушали о жутких и интересных событиях.

Из всех историй больше всего меня тронула вот эта, с которой и хочу начать свой пересказ услышанного.

В отдаленном от города селении, точнее, в одной из деревень сельского района произошел незаурядный случай. В одной из благополучных деревенских семей заболела девушка лет девятнадцати от роду. Родители, люди еще довольно молодые, делали буквально все, не жалея ни сил, ни денег, чтобы спасти свою красавицу. Но, увы. Однажды утром они не могли разбудить, вроде бы как спящую в постели дочь. От горя они сходили с ума, но пришлось девушку хоронить. Местный фельдшер дал справку о смерти Евы, так звали умершую, родители в районный центр для вскрытия труп не повезли, далековато, да и грязь на дорогах – весна. Не везти же его на телеге, запряженной гнедой кобылой, которая была во дворе. Да еще, родители были даже рады, что представился случай не вскрывать тело молодой девушки, которая еще и замужем-то не была. От этих мыслей еще горче становилось на душе у родителей Евы, одно успокоение – не будут «уродовать» молодое тело.

Подошло время, похоронили Еву на погосте, недалеко от железной дороги. В самом крайнем ряду вырос свежий холмик могилы. Так вот и оборвалась жизнь совсем еще юной девушки.

Спустя сутки после похорон, проходил путевой обходчик Николай со своей собакой Динкой вдоль железнодорожной линии, выполняя свои обязанности по должности, а когда

проходили они мимо кладбища, собака повела себя несколько странно: стала прислушиваться, повизгивать и смотрела в сторону свежих могил. Обходчик спросил у собаки, словно она могла ему ответить:

– Ну, что случилось? Зверя, какого учуяла?

Сюда часто заходили лоси, а бывало и волки бродили невдалеке от деревни в поисках легкой поживы – коз, овец.

– Плюнь-ка ты на них, Динка! Пошли, много нам еще с тобой работы.

Собака крутила хвостом, поглядывала на хозяина, но вновь поворачивала свою морду в сторону могил.

– Ну, что случилось? – Еще раз спросил Николай.

Собака всем своим видом требовала, чтобы хозяин пошел за ней, и стоило только Николаю шагнуть в сторону могил, Динка сорвалась с места и что было сил, понеслась в сторону кладбища. Николай и сам заволновался, глядя на поведение своей собаки. Он пошел за ней следом и еще издали разглядел, как его Динка, подбежав к свежей могилке, принялась передними лапами рыть землю, откидывая комья земли далеко назад.

Когда Николай подошел к собаке, она уже наполовину влезла в рыхлую землю. Сердце его колотилось так, что готово было выскочить из груди. Не было еще случая, чтобы его собака так вела себя. Их ежедневные прогулки мимо кладбища оставляли равнодушной собаку, но тут....

Немного поразмыслив, Николай приказал Динке сидеть

у могилы и ждать его, хозяина. Собака сразу выполнила команду, села около вырытой ею норы и с повизгиванием стала терпеливо ждать уходящего хозяина.

Николай, можно сказать, струсил. Собака, ему не была бы помощницей в этом деле. Тут, свидетели нужны, а собака что, хоть и взгляд у нее умный, хоть и чует то, что человеку не дано почувствовать, но сказать-то она ничего не сможет, чтобы спасти хозяина, коли там криминал какой, в этой могиле. Тут уж человеческая помощь нужна. Вот и направился он к небольшой базе ремонтников железнодорожных путей. Там всегда люди есть, да и не так далеко.

Собака продолжала сидеть у могилы, вскакивала, подбегала к норе, вырытой ею же, прислушивалась и, повизгивая, возвращалась и садилась на указанное хозяином место. С хозяином пришли еще двое рабочих, пришли с лопатами и топориком, готовыми ко всему, что могло случиться при вскрытии могилы.

Замелькали лопаты в руках крепких мужиков, рос холм свежей земли, вскоре показались доски настила над гробом. Человек с большой рыжей бородой соскочил в откопанную могилу и вскрыл настил. Тут все, стоявшие вокруг могилы, люди слышали хриплые стоны, вперемежку со скрежетом зубов. Рыжий мужик, поднял глаза вверх, ища совета у людей на краю могилы.

– Что ждешь? Давай, вскрывай, – крикнул Николай. Он уже давно догадался, что тут произошло.

Крышка гроба слетела моментально, рыжий рабочий быстро подхватил ее и подал наверх Николаю.

– Руку дайте! Руку! – истошный крик из могилы разнесся далеко по кладбищу.

Выдернув за поднятые руки мужика с рыжей бородой, все увидели страшную картину: в белоснежном саване с темными пятнами крови, держась руками за края гроба, сидела девушка. Лицо ее было белым, как полотно, широко открытые глаза безумного человека оглядывали все вокруг, а изо рта торчали пучки волос. Волосы на голове ее, торчали дыбом и выглядели прической сумасшедшего человека.

Долго еще решали рабочие с базы и Николай, как вытащить девушку из гроба в могиле. В конце концов, девушка стала соображать, что находится в какой-то яме, внутри деревянного ящика. Она даже попыталась заговорить с людьми, стоящими над ней, но рот, забитый волосами, не дал ей этого сделать. Тогда, девушка, придерживаясь за стенку гроба только одной рукой, стала вытаскивать волосы изо рта освободившейся рукой и отплевываться. Очистив рот, она уставилась своими широко открытыми глазами, полными слез, на мужчин, стоявших на кромке могилы и, скривив лицо в страшной гримасе, закричала:

– Помогите! Помогите, пожалуйста! – она тянула обе руки, белые, как саван, в сторону людей. – Помогите! Не закапывайте меня! Заберите меня отсюда!

Белое, как снег, лицо ее, обрамленное торчащими дыбом

волосами, было страшно.

Николай первым отошел от шока, он спрыгнул на доску, оставшуюся от настила, и протянул руку девушке. Она моментально вцепилась в нее своими холодными руками. Николай повернул лицо к мужикам, словно искал поддержки и чуть выдавил из себя:

– Ледяная! Живая ли она? Может, мертвец вылезти хочет из могилы?

Мужики замерли от таких слов Николая, потом один из них, тот, что с рыжей бородой, тоже опустился в могилу, со спины подхватил девчонку под руки и легко поставил ее на ноги. Вдвоем с Николаем они подали ее стоящему на земле рабочему. Выбравшись из ямы, Николай быстро подошел к еле стоявшей от бессилия девушке, взял ее за плечи и, заглядывая ей в глаза, медленно, но громко спросил:

– Ева! Ты знаешь меня?

– Да, дядя Коля, знаю вас, – ее язык чуть шевелился, но в глазах ее появился живой блеск разумного человека.

– Ну, вот, – взвыл Николай. – Слава богу, что так все кончилось!

Немного подумав, он поправился:

– Оно, конечно, не все еще кончилось. С родителями-то, что не приключилось бы. С ума сойдут, увидев тебя. Матери твоей на похоронах плохо было. С сердцем. Тут она не выживет. Подумать надо, как поступить с тобой.

– Николай, а ведь придется тебе ее взять домой к себе.

Места у тебя много, такая домина. Мать с отцом подготовить надо, морально. А могилку мы сейчас закопаем, да поправим все, чтобы и не подумал кто, что неладно тут, – предложил свою идею рабочий с рыжей бородой.

Николай пожал ему руку за совет, и хотел было вести Еву к своему дому. Тут второй рабочий, что поменьше ростом остановил его, схватив за рукав.

– С ума сошел, мужик! На, надень мою одежду на деву-ку-то, как до дому доведешь, вернешься, да принесешь мне все. Не так и далеко тут, получасом обернешься.

Рабочий быстро снял с себя пиджак и штаны, обувь примерили, больно велика оказалась.

– Ничего, босиком дойдет, не зима, чай.

Во время всей процедуры переодевания, Ева стояла около Николая с закрытыми глазами, держалась за него, покачиваясь, и была совершенно безучастна в этом процессе.

Николай медленно повел Еву в сторону поселка, укрываясь за кустами и небольшими деревьями. Девушку надо было скрытно довести до его дома. Несколько раз Ева была на грани потери сознания. Они останавливались передохнуть, а Николай, легкими шлепками рукой по ее щекам, приводил в полное сознание девушку. Когда она открывала глаза, они продолжали путь. Дошли до дома Николая благополучно, но дома пришлось долго рассказывать жене обо всем случившемся. Когда Николай вернулся с одеждой на погост, могила уже была закопана и обихожена. Собака Динка оста-

лась с Евой дома, не отходила от нее и все заглядывала в глаза спасенной ею девушки.

Ева в этот день так и не смогла выйти из шока, она была, как робот, можно было даже сравнить ее с вампирами из американских фильмов ужасов или с «зомби». Жена Николая слегка побаивалась ожившую Еву и все время старалась держаться недалеко от своего мужа.

Ближе к вечеру Еву покормили. Крепкий чай с пирожками благотворно подействовал на воскресшую девушку, и она вскоре крепко спала в мягкой теплой постели. Ночь прошла спокойно, но под утро, спящая Ева стала метаться в постели, громко прося помощи. Жена Николая поднялась с постели, подошла к Еве, потрогала ее голову и вскрикнула:

– Господи! Да она вся горит! – подойдя к Николаю, она тихо сказала ему:

– Не умерла бы и в самом деле, девка-то. Огнем горит. Простыла она там, в земле.

Николаю пришлось бежать ночью к фельдшеру за помощью. Чуть достучавшись, он попросил лекарство от простуды, сославшись на нездоровье жены:

– Горит, вся огнем горит! – говорил он про жену, а перед глазами его стояла эта девчонка Ева.

Ворча, фельдшер нехотя прошел к своей тревожной сумке с медикаментами, пошарил в ней и вынес несколько таблеток.

– Антибиотик это, смотри не скорми своей жене их все

сразу, – инструктировал он Николая. Одно утешение было у него, при таком раскладе не нужно было тащиться среди ночи туда и обратно через весь поселок.

Придя домой, Николай с женой еле смогли выпить таблетку бредящей девушке. К утру уже был результат, молодой организм выдержал и победил болезнь. Ева проснулась, едва заслышав шаги поднявшегося Николая, а он, проходя мимо кровати, где спала девушка, взглянул на подушку и с радостью увидел улыбку на чуть видимом лице Евы. Он подошел к кровати, положил руку на ее лоб. Лоб был мокрым. Чувствовалось, что здоровье пошло на поправку.

– Ты, девонька, спи еще. Мне на работу надо, а ты, давай, лечись, да сил набирайся. Настя напоит и накормит тебя.

Весь день Ева пробыла в полудреме, Настя постоянно подходила к кровати, где лежала девушка и прислушивалась, дышит ли нежданная гостя. Когда Ева открывала глаза, хозяйка спрашивала ее, не нужно ли чего.

Вечером пришел Николай, девушка уже чувствовала себя неплохо, но принять серьезное решение по поводу возвращения в семью, она еще не могла. Когда мужчина начал разговор о сложной ситуации, в которой они находились, и предложил женщинам сообща продумать этот вопрос, Ева впала в истерику и, только, ближе к полуночи ее успокоили. Нервы у нее были в беспорядке.

– Ну, и что мне остается делать? Лучше бы не выкапывали меня из могилы! – плача, говорила она. – Сколько несчастий

я сейчас могу принести своим родителям. Ведь, моя мама, увидев меня, с ума сойдет! Да и как отец станет жить рядом со мной, с дочерью, вернувшейся с того света.

– Прекрати рыдать! – прикрикнул на нее Николай.

Ева вздрогнула от окрика и замолчала, испуганно глядя на доброго человека, на дядю Колю, на человека, спасшего ее от страшной смерти там, в подzemелье и, в конце концов, давшего ей второе рождение.

– Дядя Коля, скажите мне, что необходимо делать. Я – сильная, я все смогу, – твердо сказала она, забыв про слезы и расстроенную психику.

– Ну, вот, – обрадовался Николай и сказал о своем желании, не откладывая, пойти к родителям Евы и поговорить с ними, для начала, ничего не сообщая о Еве. Потом, все будет зависеть от тонкой политики Николая, с которой он подойдет к решению этого вопроса.

– Дядь Коля! Только уж вы посмотрите на настроение мамы. Она очень хлипкая и впечатлительна, – серьезно сказала девушка. – Я за нее очень боюсь! Вы суровее с ними говорите, вот, как вы на меня прикрикнули. В мозгах у меня все сразу встало на свои места. Только посмотрите, здорова ли моя мама.

– Ты, детка, меня не учи, как говорить и что, можно сказать. Главное, не волнуйся сама. Сделаю все как надо.

Анастасия, стоявшая в сторонке, услышав конец разговора ее Николая с девушкой, улыбнулась доброй улыбкой

и сказала:

– Слава тебе господи! – она перекрестилась. – Ну, а теперь, давайте-ка поужинаем все вместе, да спать! Утро вечера мудрее!

Николаю с визитом в дом родителей Евы повезло. Когда он добрался до дома Гусевых, родителей Евы, во дворе дома работал ее отец, что-то мастера из большого деревянного бруса. Николай окликнул его:

– Бог в помощь, Володя! Что-то с самого утра мастеришь?

– Да, вот, крест на могилку дочери сделать хочу. С женой решили крест поставить, все лучше будет, чем этот железный памятник.

– Да-а-а! Соболезную я тебе Володя. Прости, что на поминках не присутствовал, жена хворает, вот и спешил домой, жалеть их надо, женщин наших.

После этих слов, сказанных Николаем, воцарилось некое молчание, каждый подумал о своем. Владимир спросил:

– Может, зайдешь, Николай, не был ты на поминках-то, зайди, да помяни дочь мою, Еву.

Николай, словно бы подумал и говорит:

– А что не зайти. Можно и зайти.

Чисто и уютно было в небольшом доме Гусевых. Николая усадили на стул под самыми иконами в переднем углу, Владимир принес бутылку водки и поставил ее на стол прямо перед Николаем, принес три стопки, разлил по ним водку и, поднимая одну из них, тихо сказал:

– Пусть земля ей станет пухом, красавице нашей! – он выпил и посмотрел на Николая.

Жена Владимира Лиза, поднялась с постели и, поставив табуретку на самый уголок стола, запричитала:

– Сколько здоровья моего забрала наша девочка с собой в могилку. Появись она сейчас на пороге дома, ожила бы вместе с ней, и я! – приняв стопку водки, она поднялась с табуретки и, перекрестившись, заплакала, запричитала:

– Господи! Зачем ты отнял от меня мое единственное дитя? Отдай мне ее назад! Верни!

Что творилось на душе у Николая, один он знает, да бог. Ему хотелось немедленно сказать, крикнуть Лизе, матери Евы, что жива, мол, твоя дочь! Жива! Только вовремя одумался он. Нужно сначала с Владимиром поговорить, может, запретит он это сделать. Но опять вопрос – сам-то Владимир вынесет ли встречу с воскресшей дочерью? Выпили они с отцом Евы еще по стопке водки, закусили блинами с медом, вышли во двор покурить. Тут-то и попросил Николай Владимира сходить с ним домой к обходчику. Ну, заинтриговал его, говорит, что показать одну штуку хочет, посоветоваться нужно по этому поводу.

Идут они, разговаривают, Николай тему разговора сменил, да и говорит:

– Как бы ты, Владимир, отнесся к тому, если бы дочь твоя, Ева, вдруг воскресла?

– Ты что, Николай, издеваться надумал. Ведь, грамотный

ты, знаешь хорошо, что не возвращаются люди оттуда, куда их бог призвал.

– Прости, прости, дружище, – повинился Николай.

Остаток пути до дома они шли молча. Каждый думал о своем. Когда в калитку входили, заволновался Николай, обнял Владимира за плечи.

– Ты удивишься, Володя, что я сотворил. Только не волнуйся, прошу тебя, возьми себя в руки.

– Да что ты там приготовил для меня? – удивлялся Владимир. – Раз так печешься обо мне. После смерти моей доченьки, мне ничего не страшно.

– Ну, что же, все равно надо было когда-то это сделать, давай, входи в дом.

Анастасия вышла из зала на звук хлопнувшей двери.

– Мы, тут, вот, с Владимиром пришли вдвоем, – не зная, как приступить к делу мялся Николай.

– Прости, Елизавета, твой Николай хотел мне что-то показать, вот я и пришел.

Из зала, где лежала на кровати Ева, раздался истеричный крик:

– Папа! Папа! Иди ко мне!

Лиза, осознав, что сейчас должно произойти, мышкой скользнула в дверь своей спальни. Владимиру, словно ударили по голове толстой палкой. Он побледнел, руки, ноги его затряслись, он закрутил головой, ища ответ на свой вопрос:

– Что это? Кто это? Как же так?

На не гнувшихся ногах, он подошел к двери в зал и тут же рухнул на пол. Ева соскочила с кровати, схватила со стола кувшин с водой, набрала воды полный рот и фыркнула всю воду в лицо отца. Тот вздрогнул, открыл глаза и, увидев над собой склонившуюся головку дочери, схватил ее двумя руками, прижал к себе, снова закрыл глаза и зашептал:

– Будь ты ангел или дух святой, не отдам тебя никому!

Вложив в свои слова так много эмоций, что глаза его стали снова закрываться, он расслабил руки. Ева вновь набрала в рот воды и снова облила лицо отца. Придя в себя, он покрутил головой, нашел глазами Николая и тихо попросил:

– Помоги мне встать, Николай.

Встав на ноги, Владимир обнял свою дочь, очень долго они стояли так, обнявшись. Никто даже попытки не делал остановить их или окликнуть. Окончательно придя в себя, Владимир отстранил от себя дочь и, глядя ей в глаза, странно спросил у нее:

– Ну, что, дочь, пойдем домой?

– Да, папа!

Анастасия и Николай стояли чуть поодаль от них, держались за руки и только улыбались. Ева надела поданный ей наряд – юбочку и кофту, подвязалась сереньким платочком, взяла под руку отца и сказала:

– Спасибо вам, дядя Коля и тетя Настя! Не знаю, как вас отблагодарить....

– Молчи, молчи, доченька. Поклонюсь я.

В одной ладони он крепко зажал холодную руку Евы, пальцами другой руки задел тряпочный коврик на полу, согнув в поклоне спину.

– Жизнью обязан я вам за спасение доченьки моей! Спасибо, родные!

Быстро пошли они по улице, стараясь избегать всяких встречных людей. Ева шла, склонив головку и прикрывая рукой нижнюю часть лица своего. Но люди и не обращали на нее внимания, все знали о смерти и похоронах Евы. Они и подумать не могли, что Ева могла «воскреснуть». Дошли до дома быстро. Перед входом в дом немного задержались, пошептались, и Владимир вошел в дверь один, оставив Еву в сенях.

– Ну что? Что выходил? – спросила его жена.

– Да, вот, дочь тебе привел, – улыбаясь, ответил Владимир.

– Не надо мне никого. Состояние такое, что хоть ложись, да умирай.

– Нет причины умирать. Все, никак, налаживается.

– Не наладится у нас больше никогда. Единственного ребенка не смогли сберечь, а рожать еще уже не получится. Так и останемся мы на старости одинокими стариками. Воды подать некому будет.

– Все у нас будет, и воду подавать внуки будут.

– Что ты несешь, вроде не так стар, а малярия уже во всю голову! Вернуть бы дочь, всю жизнь бы перестроила, и са-

ма бы второй жизнью зажила. Ничего не нужно мне, лишь бы дочь была со мной.

– Пусть так и будет все, как ты сказала, – Владимир открыл дверь. – Вот и девочка наша пришла.

– Сказала ведь, не надо мне никого постороннего..., – тут она осеклась, когда в вошедшей в дверь девушке узнала свою любимую, но похороненную недавно дочь.

Истошный крик вырвался из ее горла. Затем все смолкло. Елизавета в кровати не двигалась. Ева боялась подойти к кровати, где неподвижно лежала ее мама. Подошел Владимир, стал приводить в чувство жену, легонько хлопая ладонями рук по ее щекам, затем, прижался ухом к ее груди.

– Сердце не бьется, – прошептал он, тихо поднимая голову, словно боялся разбудить заснувшую жену.

Ева от ужаса застыла на месте. Владимир поднял глаза на икону в переднем углу, и только смог сказать:

– Выходит, за все хорошее платить нужно.

Он подошел к Еве, они обнялись и долго-долго стояли так, и тихо плакали.

Ноябрь 2016 года

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Однажды, мне нужно было с утра попасть в Верхнюю зону Академгородка, и я решил не толкаться в маршрутках, а пойти прямо через лес, заодно и грибочки посмотреть, не появились ли. От Шлюза до места, куда мне было нужно, не более трех километров и весь этот путь для меня стал сплошным удовольствием. Войдя в лес, сразу увидел маслят, растущих прямо посреди извивающейся тропинки, а в стороне от нее, в изумрудной траве показались разноцветные шляпки сыроежек. Красавцы мухоморы выбрали для себя самые видные места и стояли, похваляясь своими ярко красными шапками с белыми отметинами.

По рассеянности, я забыл взять с собой хоть какой-нибудь пакет, класть грибы было некуда, но оставлять их не хотелось – уж больно они хороши и свежи. Я набрал их полную охапку и пошел дальше, в надежде найти брошенный пакет, но, видно, люди поумнели, ни у кого не поднялась рука мусорить среди такой красоты. В обнимку с грибами, я поднялся на небольшой пригорок и увидел на поляне пожилого человека с окладистой белой бородой и с корзиной в руке. Длинной сухой палкой он раздвигал траву, высматривая молодые грибочки.

Увидев меня с охапкой грибов, он заулыбался и спросил:
– Где это вы смогли отыскать так много грибов? А я вот,

с час брожу по лесу, а всего несколько сыроежек только нашел.

Я обрадовался этой неожиданной встрече, подошел к деду, поздоровался с ним и предложил:

– Давайте корзиночку, я вам высыплю грибы.

Он заупрямился, отказываясь от такого подарка, но я убедил его взять грибочки:

– Мне и девать-то их некуда. От жадности срезал, а мне еще идти в городок по служебным делам нужно.

Уговаривать старичка долго не пришлось, корзина сразу, почти наполовину заполнилась хорошенькими, словно игрушечными грибами.

Дед посмотрел в корзину, покачал головой, достал из кармана шоколадную конфету в ярком фантике и протянул ее мне.

– Добрый вы человек и доброта эта из ваших глаз так и льется. – сказал он, глядя на меня своими голубыми, чистыми и совсем не старческими глазами. – Возьмите конфету, больше, я не могу вас ничем отблагодарить.

– Нет, нет! Не стоит благодарности, – ответил я, пятясь от него. Конфету сберегите для своей бабушки.

Повернувшись, я пошел к тропинке и, пройдя несколько шагов, обернулся, чтобы помахать доброму старичку рукой, но его и след простыл.

– Странно, – размышлял я. – Бегом он, что ли, убежал?

Весь путь до Городка, думая о работе, я, нет-нет, да

и вспоминал этого, странно исчезнувшего старичка. Передо мной он появлялся, как живой, в сапогах и шляпе с небольшими полями, подпоясанный широким поясом поверх длинного сюртука, с корзиной в руках, замечательной бородой и удивительно светлыми и молодыми глазами.

Войдя в контору, я на время забыл про него, своих дел много, тем более, оказалось, что пришел я не вовремя, да и человека, с которым мне нужно было пообщаться, не было на работе, заболел. Расстроенный, я направился к выходу, но отворилась одна из дверей множества кабинетов конторы, и хорошо знакомая мне женщина пригласила меня зайти в ее кабинет, чтобы просто поболтать. Я этому даже обрадовался, по крайней мере, хоть отдохну.

Во время разговора за чашкой чая, я полез в карман за платочком и с удивлением нащупал там конфету, а, вынув ее, помнится, даже вскрикнул. В руке у меня была та самая конфета в ярком фантике, которую предлагал мне взять старичок на лесной полянке.

– Что с вами? Вы даже лицом изменились.

Мне пришлось рассказать ей о встрече в лесу. Женщина слушала и улыбалась, а когда я закончил пересказ, она, извинившись, вышла из кабинета и вскоре снова зашла, ведя с собой еще одну сотрудницу, но только несколько старше себя.

– Вот теперь перескажите еще раз все то, о чем сообщили мне.

Я, с явным удовольствием, сделал это, не упустив ни одной, даже мельчайшей, подробности. Когда я закончил говорить, обе женщины некоторое время молчали, а потом, старшая из них сказала:

– Считайте, что вам повезло. С самого начала строительства Академгородка замечают этого человека, или кто там он, но только является он не перед каждым. Только люди безобидные и добрые могут встретиться с ним. А вам с ним даже поговорить пришлось. Все уже забыли про него, а кто и помер, много лет с тех пор прошло. А вот, видишь, объявился снова «Старичок-боровичок». Прозвали его так, когда-то. А глаза и тогда, говорят, у него были молодыми, молодыми. Мне-то не довелось его увидеть, хоть и часто в лесу бывала.

Подарил я эту конфету в ярком фантике женщине. Она, довольная таким подарком от «Старичка – боровичка», быстро решила все мои проблемы, документы оказались у меня в руках и я, с чувством выполненного долга, удалился из конторы.

Отблагодарил все-таки меня старичок за грибочки. Спасибо!

05.07.2014

МАРСИАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Кирилл сидел в глубоком кожаном кресле напротив электронного информатора и, возможно, прислушивался к голосу диктора, сообщающего последние новости планеты. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, хотя уже перевалило за шестьдесят. Это был крепкий мужчина выше среднего роста с темно русой головой. Глаза его, небесного цвета, абсолютно ничего не выражали, потому и сказано «возможно». Реакции на то, о чем говорилось в новостях, не было никакой, словно это он уже слышал.

Так продолжалось довольно длительное время, но, внезапно, лицо его искривилось в улыбке, он выпрямился и закачал головой. Это было его реакцией на последнее информационное сообщение о подготовке какой-то группы энтузиастов к новой попытке высадиться на красную планету и обуздать ее.

– Да что ж вы безумные-то такие, – хрипло подумал он вслух и тревожно оглянулся по сторонам. Давненько в его студии не звучал голос живого человека. Дальше он думал только молча. – Нет абсолютно никакой преемственности у поколений. Они говорят с нами на разных языках, и нет у нас взаимопонимания. Ведь, всего-то сорок лет прошло с тех пор, как люди предприняли попытку освоить соседнюю планету Марс. Тогда у них ничего не получилось. Споткну-

лись на мелочи. Мелочь, не мелочь, а пришлось обратиться во-свояси. Почему же никто не знакомится с Отчетом о прове-денной Акции по освоению Марса. Прорыва в совершенстве технологий получения сверхпрочных строительных матери-алов не происходило за эти последние полвека. А без этого, зачем же еще раз соваться туда? Появилось желание снова наступить на те – же грабли? Сколько средств вновь будет погублено, а может быть даже и жизнью молодых ребят. Хо-рошо бы остановить это неподготовленное и необеспечен-ное освоение чужой планеты. Но кто сможет остановить этих безумцев?

Кирилл прикрыл глаза, вспоминая прошлые годы почти полувековой давности. Это послужило сигналом для умной машинки «ЭИ», она моментально обеспечила идеальную ти-шину, отключив все звукоизлучающие электронные прибо-ры в кабинете, в том числе и себя, встав в положение ожи-дания. Молодцы японцы, они капитально успели изменить облик всей аудио и видео аппаратуры, приводя их в совер-шенство. Вот если бы они еще взялись за создание сверх-прочных материалов, взялись бы вплотную, чтобы обеспе-чить подобные экспедиции надежными защитными матери-алами, добились бы внушительных результатов, тогда можно было бы предпринять вторую попытку освоить Марс.

Кирилл в полудреме стал вспоминать дела давно минув-ших дней. Он тогда только что окончил Высшее Техническое Училище, получив хорошее по тем временам образование.

И тут, вроде, в Голландии кто-то бросил клич: «Освоение Марса! Билет в один конец!». Он, как никто другой, подходил для такой экспедиции на Марс. Исключительно крепкое здоровье, отличное образование, никого из родственников нет в живых, холост, как говорили в те времена – за душой, ни кола, ни двора. В общем – терять нечего. Немного после, когда была разработана вся Программа освоения «Планеты Х», выяснилось, что сначала уйдут в неведомый мир космические строители, которые в течение нескольких лет будут создавать на голой планете материально-техническую базу для первых поселенцев.

Лишь, следом за ними туда будут отправлены научные работники, чтобы прямо на месте, применительно к местным условиям, провести ряд изыскательских работ, и в зависимости от итогов этих работ, сделать проект застройки и преобразования планеты с использованием всех достижений науки и техники на планете Земля.

А как все тогда получилось? Кирилл не захотел ждать отлета на Марс научных работников, в число которых он входил. Он поспешил перевестись из их числа в группу космических строителей, чтобы одним из первых оказаться на чужой планете и начать с нуля ее освоение.

Полет к Марсу оказался очень трудным, каким-то непонятным и, даже, загадочным. Ученые Земли сделали все, что было в их силах, воплотили в проекты космических кораблей все новейшие достижения, но, видимо, далеко еще

не все известно нашей науке, если уже в пределах солнечной системы, экспедиция столкнулась, прямо-таки, с неисправимыми проблемами. Стоило только кораблю уйти за орбиту Луны, странная болезнь стала поражать молодые организмы космонавтов строителей. По симптомам схожая с сердечной недостаточностью, она стала валить здоровых парней, выводя их из строя. У одного из ребят сердце оказалось на грани остановки через месяц после старта корабля с Земли. Старшим команды было доложено на Землю о состоянии экипажа. Срочно собранные консилиумы докторов ничего не дали, последовали лишь неуверенные советы о проведении ряда профилактических мероприятий для космонавтов, которые, в конце концов, ни к чему не привели. Останавливалось сердце и у второго космонавта, но, видимо, само провидение приняло непосредственное участие в экспедиции.

В экранах наружного обзора на черном фоне, испещренном блестящими точками звезд, внезапно появились два светящихся шара, несшихся от Земли к кораблю с невероятной скоростью. Приблизившись, они заняли постоянную орбиту вокруг корабля и, вскоре, их присутствие рядом с кораблем сказалось на самочувствии космонавтов, неведомая болезнь моментально отступила. Это привело к сложным рассуждениям, как самих космонавтов, так и ученых кругов на всей Земле, об этом визите светящихся шаров было немедленно сообщено руководителям проекта. Начались глубокие изучения этой внезапной и, пока, необъяснимой помощи, при-

шедшей, именно, со стороны Земли. Космонавты, находясь на корабле, в дискуссиях, которые проходили у них в спорах и криках до хрипоты, приняли свое решение, что на Земле, одна из стран, добилась более высоких технологий, конечно же, вследствие контактов с инопланетянами, приняла решение об оказании помощи погибающей экспедиции и оказала ее.

Дискуссии на самой Земле, пока ни к чему не привели, хотя, среди ученого мира доминировала та же самая мысль, что и среди космонавтов. Помощь пришла со стороны Земли, но кто тот славный спаситель, осталось большой тайной. Ученые были склонны и к другому предположению, но сама планета Земля не подтвердила этого, оставив тайну при себе.

Разволнованный Кирилл открыл глаза, зазвучала тихая и прекрасная музыка, действующая благотворно на человеческие нервы. Он поднялся с кресла, подошел к секретеру, вынул из него курительную трубку и набил ее самым любимым табаком «Капитанский». Имитируя курение, он стал вдыхать в себя почти исчезнувший совсем, но еще не до конца, прекрасный аромат, являющийся для него стимулятором тоски по тем славным далеким годам, когда он, Кирилл, имея желание, мог курить эту трубку до «потери пульса». Буквально перед отлетом на Марс, он выкурил трубку «Капитанского» табака и спрятал ее, оставив на память о своей молодости. Отказ от табака, было в те годы престижным делом каждого жителя Земли. Строжайшего запрета не бы-

ло, но, не курить — это стало делом чести каждого человека, включая даже детей и не говоря о женщинах. Люди, видимо, сами по себе стали намного мудрее, были приняты законы, запрещающие приносить вред окружающей среде, природе. Безотходное производство стало внедряться повсеместно. И природа с теплом отозвалась в знак признательности: стало заметно меньше разрушительных землетрясений и цунами, ливневые дожди и наводнения продолжали существовать только в тех районах Земли, где они были с испокон веков. Беспричинная смертность заметно снизилась, но сократилась и рождаемость, опасности перенаселения планеты не стало. Все находилось под контролем. Чьим?

«Выкурив», таким образом, трубку, Кирилл разложил все по своим местам в секретере, снова сел в свое кресло и закрыл глаза. Музыка прекратилась, в тишине Кирилл продолжил свои воспоминания.

Подойдя к Марсу, корабль вышел на нужную ему для высадки десанта орбиту и, на третьем витке вокруг планеты, кассета с космонавтами благополучно отделилась от корабля. Несмотря на то, что плавная, можно сказать, «нежная» посадка на чужую планету была гарантирована, ребята испытали такую встряску, что лишь их богатырское здоровье помогло им выжить. Гасящие скорость двигатели были до самого последнего момента. Ударившись о поверхность планеты, обшивка корабля готова была разбиться как скорлупа куриного яйца, уроненного на каменный пол с высоты чело-

веческого роста. К счастью, этого не произошло. При подлете к грунту, перед самым ударом, Кирилл разглядел в экран обзора, что внизу, на поверхности уже кто-то поставил ровными рядами прямоугольные строения из светлого материала, как домики на берегу Адриатического моря в Черногории, сделанные из пиленого ракушечника и украшенные, как красивыми шляпами, оранжевыми крышами. Два огненных шара плавно опустились на поверхность в непосредственной близости от строений и исчезли из виду.

Дальше все происходило, как во сне. Пыль, поднявшаяся с поверхности от реактивных струй при торможении, долго не могла рассеяться, осесть, из-за ее малого веса. Каждый предмет с Земли потерял здесь две трети своего веса. Да, Марс меньше Земли. Но проблем здесь, чувствовалось, будет очень много.

Кассета с космонавтами стала медленно двигаться внутрь ангара, вскоре все погрузилось во мрак, затем, загорелся свет в помещении, и кассета покрылась пеной. Откуда-то подул ветер, сдувая пену с металла и просушивая его. Наконец-то, с лязгом, расстопорились выходные двери, внутри кассеты запахло не то карболкой, не то каким-то другим дезинфицирующим веществом. Вошел крепкий улыбающийся паренек и, первым делом представился:

– Я, местный марсианский врач. Зовите меня просто по имени – Антон.

Каждый из вновь прибывших строителей счел за честь по-

здороваться и пожать руку марсианину земного происхождения. Антон продолжил:

– Я буду наблюдать за состоянием вашего здоровья во время всего вашего пребывания здесь. Сразу, просьба! Небольшое недомогание вами в период нахождения здесь, не должно оставаться без внимания. Как поведет себя человеческий организм вне Земли – пока неизвестно. Поэтому, лучше предупредить любое заболевание, то есть, разобраться в изначальных причинах болезни, чем лечить уже заболевшего человека. Поэтому, я ежедневно буду встречаться с вами утром и вечером, а вы, не скрывая ничего, должны будете доходчиво рассказывать о состоянии своего здоровья.

Прибывшие ребята по шлюзовым камерам прошли в большое и светлое помещение, где, склонив головы над столом, трудились такие же молодые парни, как и они. Услышав звук «чмок», характерный для всех открывающихся дверей на поселении, марсианские труженики подняли головы, при виде гостей, глаза их словно засветились изнутри от счастья, и перехватило дыхание. Они, поприветствовав прибывших ребят, стали смотреть на них, словно что-то ожидали услышать или даже увидеть. Кирилл тогда первым догадался, что ждали эти люди.

– Письма и посылки от родных для вас еще пока находятся в кассете. Они не распечатаны.

После этого радостного сообщения для старожилов, поднялся такой гвалт, когда говорили все, все знакомились, жа-

ли руки, обнимались, если встречали земляка.

В комнату вошел седовласый высокий и стройный мужчина с лицом артиста из прошлого Кирилла Лаврова. Антон подал команду:

– Командир просит минуту внимания!

Да, этот человек был командиром первопроходцев на Марсе. С группой строителей, чуть больше полгода при-был он сюда в качестве командира. Он первым коснулся кайлом марсианского грунта, заложив, таким образом, первый кирпич на новостройке.

– Друзья мои, уважаемые люди с планеты Земля! – стал говорить Командир мгновенно успокоившимся и сосредоточившим свое внимание на нем, землянам. – Сделать нам с вами предстоит много, с характеристиками каждого из вас я знаком и считаю, что нет нужды обучать вас хорошо работать. Я считаю важным сообщить вам, что здесь, вдали от Родины, пользуясь тем, что коллектив наш небольшой, он, конечно, со временем разрастется, увеличится во много раз, мы стали практиковать совершенно новые взаимоотношения между людьми. В чем они заключаются? Мы полностью исключаем принуждение. Человек должен настолько понять и прочувствовать свои обязанности, находясь здесь, что их выполнение станет его жизненной необходимостью. Принуждение не способствует повышению качества работ, поэтому, здесь мы не должны получать отрицательных эмоций от криков, разговоров на высоких тонах, наставлений

и тому подобных разговоров. Кроме того, любыми способами мы будем поощрять инициативу каждого из наших сотрудников, но при условии, что инициатива разумна, нужна и возможно ее применение для успешного создания материальной базы, а поощрение будет заключаться в переводе на его счет на Земле сумм денег, эквивалентных принесенной пользе. Так, что, здесь следует забыть про нелепую поговорку, до сих пор существующую на Земле, но распространенную, слава богу, не повсеместно, которая звучит так: «Инициатива – наказуема!». Если говорить короче и яснее – труд должен стать жизненной необходимостью каждого космического строителя, а полезная инициатива – статьей дохода. Да! Чуть не упустил. Неоказание помощи коллегам в случае ЧП (чрезвычайного происшествия), приведшей к смерти одного и более человек, наказывается отсылкой на Землю с ближайшей же оказией. Вот, пожалуй, и все. Ну, а с распорядком дня ознакомитесь в своих комнатах.

После беседы с Командиром состоялся совместный обед в честь прибытия новой группы космических строителей, где эти ребята были приятно удивлены разнообразием горячих блюд, приготовленных из натуральных продуктов. В комнате, являющейся столовой, стоял пряный запах приправ, вкусно пахло борщом и мясом.

Кирилл снова открыл глаза, заиграла музыка. Он встал, передернул плечами и направился в сторону автомата «Кофе». Среди многочисленных кнопок с надписями способов

приготовления напитка, он выбрал одну и нажал.

В сердце машины сразу же раздался шум, имитирующий звуки, сопровождающие ручное приготовление чашечки кофе. Процесс был довольно длительный. Машинке предстояло отобрать лучшие зерна зеленого кофе, обжарить его до нужной степени, перемолоть и так далее. До появления на столике чашечки кофе, порой уходило минут двадцать.

Можно, конечно, было заказать готовый кофе, стоило бы только подать команду автомату – Подогреть чашечку кофе! Но это – совсем не то, не тот вкус и аромат, да и собственного удовлетворения никакого нет.

Кирилл использовал именно тот вариант приготовления кофе, по рецепту которого, какой-то гурман там, на красной планете варил и угощал всех ребят, прибывших с Земли.

Конечно, такой кофе был далеко не лучшим, но, толи, отдавая дань традиции, толи, внушив себе, он предпочитал за всю свою послеполетную жизнь на Земле, именно этот вкус и аромат. Когда бы это не происходило, но садясь с чашечкой кофе в свое любимое кресло, воспоминания той марсианской молодости обволакивали его с головы до ног, и он жил эти минуты наслаждения той, можно назвать – суровой, жизнью.

Вспоминать было что. Не стоит теперь скрывать тот факт, что компания космических строителей была не чисто мужская. Каким образом попала в число счастливчиков эта хрупкая женщина, одному богу известно! Одетая в спецодежду

космических строителей, она была почти неотличима от ребят: аккуратная стрижка на голове не превращала ее в мужчину, но и не выделяла из мужчин, высокая стройная фигура тоже была присуща большей части строителей. Работу свою она тоже знала не хуже мужчин и выполняла ее тщательно, быстро и красиво, не прося ни у кого помощи. По манере вести себя в коллективе, она ничем не отличалась от других. Кириллу редко приходилось с ней общаться, да и то, лишь не в прямом контакте, а издали.

Но случай свел их прямо нос к носу, в люке, служившем дверью между модулями. Так уж получилось, что они одновременно нажали кнопки для перехода из помещения в помещение, но с разных сторон, то есть, из разных комнат. Когда выравнилось давление в комнатах, раздался характерный «Чмок!», люк открылся и каждый из них, уверенный в своем преимуществе, пошел первым, поскольку нажимал на кнопку он. В дверях они и застопорились, поскольку ширина прохода не позволяла пройти сразу двум людям, да и детское личико Евгения, так звали строителя, идущего навстречу Кириллу, ставило его в ранг младших. Потому-то, Кирилл сделал тоже шаг в открытый люк, и они встали друг перед другом, застряв в двери.

Глаза их встретились. Кирилл смотрел в глаза молодого строителя и не мог оторвать от них своего взгляда. Ах, какие это были глаза. Он почувствовал, что они не могли быть мужскими. Это были глаза женщины: красивые, глубокие,

загадочные. Сердце его стало биться с перерывами. Он недоумевал. Здесь нет женщин, и не может быть, но он не смог воспользоваться правом «старшего» и пройти первым. Да! Он отступил, предоставив это право «младшему». Здесь они разошлись, но Кирилл не мог забыть взгляда этих очаровательных глаз.

Рабочими днями думать приходилось больше о работе, весь вечер, зато, был в его собственном распоряжении, поэтому, что – либо делая для души, он не переставал вспоминать ту неожиданную встречу. Специально пытаться встретиться с обладателем этих незабываемых глаз, было бы осудительно со стороны всех коллег, но Кирилл мечтал и надеялся, что такая встреча все – же произойдет и его желание души сбылось. Точно при таких же обстоятельствах, при каких произошла их первая встреча, случилась и вторая. Теперь они были рядом дольше, Кирилл не торопился убрать ногу, сделавшую первый шаг. Но, как он смотрел в эти глаза! Так не смотрят друг на друга два обыкновенных мужчины.

Девушка поняла все, она опустила глаза. Тут-то и убрал свою ногу из люка Кирилл, видимо, давая понять, что он уступает дорогу, повинаясь законам человеческой этики. Снова Евгения прошла первой. Что творилось в ее душе, никто не мог знать, но при следующей встрече с Кириллом, на общем сборе космических строителей, она оглянулась с первого ряда сидений и, найдя глазами Кирилла, смотрящего на нее в упор, наградила его таким взглядом, от ко-

торого у мужчины зашло сердце. В этом взгляде было все: тепло и нежность, грусть от одиночества и нестерпимое желание быть рядом с ним. Расстроенный Кирилл знал, что все происходящее противозаконно, так не должно быть. Это все не предусмотрено «Уставом космических строителей». Но там также не предусмотрено присутствие женщин в этом коллективе, а раз уж она есть, чудесная женщина, рядом с ней должно быть все, включая, и нежность, и заботу, и любовь. Кириллу приходилось уповать только на счастливый случай. Стоило Кириллу пойти напролом, отослана на Землю будет только одна женщина, конкретно – Женя. Ведь это она проникла каким-то незаконным путем на красную планету. Кирилл же давал присягу и подписывал контракт на определенный срок и растоптать все это он просто не мог. Поэтому, он и она только и ждали счастливого случая, не выдавая никому свои чувства, по отношению друг к другу. По-прежнему, они не общались, по-прежнему, они при случайной встрече только бросали пыльные взгляды в глаза друг друга, передавая, таким образом, все свои чувства без слов. Подводить друг друга они не хотели. В конце концов, трехгодичный срок, на который были заключены их контракты, это далеко не вся жизнь.

Кирилл вернулся в действительность. Он открыл глаза, заиграла музыка. Он почувствовал, что у него в руке что-то есть. Бросив взгляд на руку, он увидел чашечку с остывшим совсем кофе. Кирилл, заулыбавшись, покачал головой, а про

себя подумал: «Надо же, насколько тянет меня в те, хоть и суровые, но годы и дни моей молодости и... первой и единственной любви».

Вернувшись из экспедиции, закончившейся полным провалом всех планов на освоение красной планеты, он нашел и на Земле достойную любимую работу, и до самой пенсии прекрасно и плодотворно проработал в замечательном коллективе людей. Вокруг было много хорошеньких девушек, они, можно сказать, вились возле него, были и очень серьезные претендентки на место жены Кирилла, но он оставался при своих убеждениях. Он их видел только как коллег по работе, и не более того. Он был так добр, вежлив, тактичен и прям в обращениях с коллегами женского пола, что на него никто и никогда даже не подумал обидеться. Он был и оставался для них блаженным на протяжении всей жизни. Многие из женщин остались на всю жизнь его преданными друзьями и часто общались с ним. В душе его была только одна претендентка – его Евгения.

Снова вспомнив Евгению, Кирилл поднялся с кресла, подошел к автомату и заменил кофе, сменив его горячим. Не отходя от автомата, он сначала вдохнул в себя легкий парок, исходящий из чашечки и, затем, смакуя, маленькими глоточками выпил его весь, до дна.

Оказавшись в кресле, он продолжал вспоминать. Теперь перед его глазами стояла Евгения. С каждой встречей Кирилл влюблялся в бездонные глаза Евгении все больше

и больше. Он уже не мог жить без них. Порой, он просто искал встречи с Евгенией, подвергая себя и девушку опасности быть уволенными и изгнанными из числа космических строителей. Сложно было бы после на Земле с такой репутацией устроиться на хорошую работу или службу. Но он выходил из такого состояния усилиями воли, но часто стал обращаться к доктору Антону, с просьбой дать ему что-нибудь успокаивающего, чем обратил на себя внимание. Кириллу однажды даже пришлось солгать этому доктору, пытавшемуся влезть в его душу. Он рассказал ему легенду о своей земной любви, о прекрасной девушке, которая приснилась ему во сне и расстрожила его душу. Кирилл артистично подошел к этому делу, он так вдохновенно говорил о своей любви, говорил о земной любви, а подразумевал здешнюю, марсианскую любовь по имени Евгения, что Антон посочувствовал Кириллу и дал ему целую пачку таблеток пустырника, позавидовав:

– Мне бы научиться так любить, – сказал он. – А то так, с этими женщинами, баловство одно, один грех, и только.

Сборка модулей шла бойко. Материал в большом количестве поставлялся с Земли грузовыми кораблями, челноками, снующими между планетами, сборка модулей была непродолжительна по времени, потому городок рос, как на дрожжах. Очередные модули собирались внутри более крупных помещений. Люди внешней сборки, облаченные в легкую космическую одежду, стыковали их таким образом, что герметизированные переходы, обеспечивали легкий пе-

реход из одного помещения в другое, все с тем же характерным звуком – «Чмок!».

Если посмотреть сверху, городок напоминал странную фигуру, составленную из модулей и специальных переходов, предусмотренных технической необходимостью. Все это было, конечно очень сложно. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» – вроде так гласит народная мудрость. Шло время, рос городок.

Случались и «ЧП». Микрометеорит, как-то, заблудившийся во вселенной, пробил насквозь крышу одного модуля и всю ночь ребята – строители искали причину разгерметизации помещения. В аварийный модуль было невозможно попасть. Автоматика не позволяла открыться люку до тех пор, пока не сравнивалось давление в обоих помещениях. В аварийном помещении давление не поднималось, хотя насосы делали подкачку воздуха в течение нескольких десятков минут. В конце концов, герметичность помещения все-таки наладилась и, уже после, технологи разобрались в этой сложной ситуации. Оказалось, что антиметеоритный герметик, заполняющий полости внутри стенок модуля оказался не той плотности и в ночное время, когда температура вне помещений опустилась до очень низких значений, он потерял свою текучесть и не смог заделать вовремя пробойну, воздух со свистом покидал помещение. Технологи внесли кое-какие поправки в проектную документацию, ошибка вовремя была исправлена, последствия быстро были устране-

ны. Главное – не было жертв.

Модули, в которых жили космические строители, находились под двойной защитой. Об этом знали все ребята и были спокойны за свои жизни. Оранжевые крыши тоже были изготовлены в соответствии с новейшими технологиями в области материалов для космоса. В обыкновенной жизни в земных условиях, большинство людей, живущих в домах с деревянным покрытием полов, должно быть замечали, что со временем в доме начинают скрипеть половицы. Аналогичное явление Кирилл стал замечать в своем спальном модуле. Когда он ложился спать, незадолго до полуночи стали появляться звуки, идущие от пола и напоминающие скрип половиц. Увлеченный мыслями о Евгении, он не сразу стал понимать, что в полу что-то происходит. Сначала, ему казалось, что кто-то из его коллег в соседних ячейках вставал с постели и на время уходил куда-то по своим делам. Но пол был выполнен из прочных полимеров и стянут так, что о каком-то скрипе не должно было быть и речи. Но вопреки рассудку, скрип все – же был. Кирилл его явно слышал. Однажды ночью, услышав скрип половиц, он специально поднялся и вышел из постели, чтобы точно убедиться, что кто-то из его коллег ходит по модулю. Света в помещении было достаточно, но движения никакого он не увидел, а из соседних ячеек слышно было глубокое дыхание крепких людей, спящих глубоким сном. Прислушавшись, Кирилл уловил направление, откуда шел этот скрип. Скрипели половицы где-

то прямо посредине комнаты, но там никого не было. Обеспокоенный, Кирилл отложил сообщение о странном скрипе на следующий день, боясь совершить ошибку и заработать славу трусливого человека.

Скрип продолжался долго, не давая спать. Ну, на что можно было грешить? Может быть, внешние строители допустили где-то ошибку и установили модуль на неровной поверхности? Вопросов много, но все равно нужно ждать завтрашний день, все будет выяснено только завтра. Все спали, но скрип продолжался.

Среди ночи раздался вой сирен, оповещавший жизненно опасную аварию на стройке. Динамики внутренней связи, имеющиеся в каждом модуле, сообщили о разгерметизации модуля В-4. Кирилл с ужасом вспомнил, что модуль В-4 являлся спальным помещением Евгении. Четыре человека, прибывшие первыми на Марс, жили в нем. Подчиняясь не распоряжениям, передающимся по внутренней связи, а порывом души, Кирилл, одеваясь на ходу, бросился к дверям собственного модуля.

– Черт побери! – вырвалось у него, хотя в будничной жизни, здесь, на космической стройке, даже такие слова он себе не позволял произносить. Сейчас – другое дело, там гибнут люди, но автоматы, выравнивая давление в смежных помещениях, были очень медлительны. Когда он, все – таки, вырвался в коридор, идущий прямо к модулю В-4, там находились уже два «аварийщика», которые прилаживали к кра-

ну аварийной подачи сжатого воздуха баллон с кислородом. Кроме того, подкачивающие насосы уже работали на полную мощность, забрасывая в аварийный модуль огромное количество воздуха.

Кричать, требовать делать все скорее, Кирилл не мог. Рабочие аварийной службы выкладывались полностью, да, к тому же, в самом начале пребывания здесь, Командир ознакомил вновь прибывших космических строителей с новыми отношениями между людьми, практикуемыми в поселении. И это сдерживало его от истерики.

Когда раздался характерный «Чмок!», он первым ворвался в помещение, где была его Евгения. Заглядывая в ячейки, он нашел ее, но она была без сознания. Он приложил ухо к груди молодой женщины и заулыбался, сердце ее редко билось.

– Жива! Жива, Евгения! – кричал он, как полоумный. В ячейку забежал доктор Артем с переносным набором медикаментов.

– Что вы сказали, Кирилл? Кто – жива? Поняв, что проговорился, Кирилл, все – же, поторопил доктора:

– Простите, доктор! Ради бога, быстрее! Пожалуйста, быстрее.

– Модуль авария, выносите больного, немедленно. Помогите вынести. У меня – еще трое таких.

Кирилл легко поднял из постели бледную и безжизненную на вид Евгению, быстро вышел с этой драгоценной но-

шей в коридор и аккуратно положил ее на поданные кем-то носилки.

Следом, из модуля вывели своим ходом еще трех космических строителей. Это были молодые и здоровые ребята, организмы которых вынесли временное разрежение воздуха в модуле. Они спали и, даже не чувствовали этого. Они задыхались во сне. Головные боли были невыносимы. Кислородное голодание мозга могло закончиться обширным инсультом.

Доктор склонился над Евгенией, расстегнул верхнюю пуговицу пижамы и стал прослушивать безмолвную Евгению. Кроме доктора и Кирилла рядом с носилками никого не было. Доктор повернул голову и глянул Кириллу в глаза:

– Вы знали? – спросил он.

– О чем? – не мог понять перепуганный за жизнь Евгении Кирилл.

– Не прикидывайтесь, пожалуйста, Кирилл.

– А-а! Догадывался, – ответил Кирилл, уже приходя в себя и начиная соображать, что может последовать после сегодняшнего ЧП.

– Почему не сообщили Командиру?

– Не был уверен.

Со стороны можно было и не разобрать, о чем шла речь двух мужчин. Вернее, всего, так оно и было.

– Доктор, скажите, что с ней? – скромно спросил Кирилл.

– За ее жизнь сейчас уже не стоит беспокоиться, но боюсь

последствий кислородного голодания мозга. Не могу сказать, пострадал он или нет. У нее очень замедленно сердцебиение. Возможно, она сейчас находится в коме. Но выйти из этого состояния она может не скоро.

– Доктор, скажите, где она будет находиться? – не отставал с вопросами Кирилл.

– До прилета грузового корабля она будет находиться в нашем медицинском модуле, ну, а там... Вообще-то, здесь находиться ей просто противопоказано, да и для всех она будет не востребованным балластом. Отправлять на Землю будем точно.

Кирилл помог доктору Антону доставить «спящую красавицу» в модуль М-03, а сам отправился к аварийному модулю В-4. Отверстие, сквозь которое проходила утечка воздуха, было обнаружено прямо посередине помещения. На полу лежала большая заплата, прекратившая утечку. Теперь разбিরались, что или кто мог сделать эту дырку в полу модуля? Материал пола прочен, не любой инструмент, имеющийся у космических строителей, пригоден для его обработки. На фотографии отверстия, на всю его толщину просматривалась полоска, словно это отверстие снизу проделано каким-то режущим инструментом из сверхпрочных сплавов.

– Похоже, что и на Марсе живут крысы. Следы от зубов очень схожи, – шутя, сделал предположение один из аварийщиков.

За эту мысль ухватились все, наперебой рассказывая при-

мерно о том, но только со своим мироощущением, что по ночам они слышат непонятные звуки, напоминающие скрип половиц или возню крыс под полом, как это бывало у нас на Земле в прошлом на первых этажах жилых домов.

Кирилл, когда до него дошла очередь высказать свое мнение, а с его мнением считался даже сам Командир, рассказал свои наблюдения, которые он сделал прошлой ночью, но он же выразил глубокое сожаление, что не предпринял никаких действий для предупреждения несчастного случая.

Командир сознался, что и он слышал такой скрип, а когда он топнул ногой в предполагаемом месте этого звука, снизу раздалась возня, и на время стало тихо. Но скрип возобновился. Точно крысиное поведение.

– Не стоит вам считать себя виновным в несчастном случае, – подбодрил Командир Кирилла. – Мы все здесь новички, у нас нет опыта. Считая, что планета безжизненна, мы, даже не сделали предположения, что жизнь может находиться в глубине от поверхности планеты. А сейчас, чтобы каким-то образом защитить себя хотя бы на время, в каждом модуле необходимо создать запас этих самоклеящихся заплат, и поскольку я полагаю, что от появившихся назойливых хозяев этой планеты самостоятельно спасения не найти, мы сейчас же свяжемся с Землей и объясним им суть нашей проблемы. Возможно, выход из создавшегося положения есть. Пока они там решают, как выпутаться нам из этой ситуации, они сначала по радиосвязи дадут нам прямо сей-

час кое-какие распоряжения и советы.

Командир удалился в управленческий модуль, чтобы доложить на землю о происшествии и попросить помощи. Аварийщики поучили ребят правильно ставить заплаты на пол, чтобы ликвидировать прогрызенные отверстия.

Люди, ответственные за техническое состояние закрепленных за ним модулей, разошлись по своим объектам, взяв под усиленный контроль все звуки, доносящиеся из-под пола модулей.

Кирилл поднялся с кресла, походил по кабинету, подошел к окну, занимающему полстены, но сразу – же отошел: он не любил картинку за окном. Безвкусица и нелепица царили там. Пользуясь временным разбродом и шатаниями, как власти, так и народа, предприимчивые люди, не имея больших талантов в градостроении, а имея лишь цель – наживу, понастроили много бесформенных высотных зданий, экономя на земле. Эти здания и перекрыли весь свет, и в окно любоваться стало нечем. Лишь мрачные серые стены исполинов, нижние этажи которых отданы торговцам, верх – сплошные ячейки для проживания людей с целью воспроизводства рабочей силы. Из этого окна не увидишь зеленую лужайку с березовой рощицей, ясного солнышка, выходящего из-за горизонта. Бетон, кругом один бетон, да проемы окон, за которыми редко, когда увидишь человеческое лицо, расплывшееся в улыбке.

Люди отгородились от подобных пейзажей толстыми тем-

ными портьерами, создавая себе уют в квартирах и находя красоту в семейном кругу.

Кирилл набрал номер пиццерии и сделал заказ, который был выполнен буквально через полчаса. Вспыхнул экран информатора, и приятное лицо молодого человека сообщило:

– Ваша пицца!

Перекусив пищей с горячим кофе, Кирилл вновь «выкурил» таким же образом, как в прошлый раз, свою заветную трубку, заряженную «Капитанским» табаком.

На улице смеркалось, в комнате стало сумеречно, но он, не зажигая свет, вновь сел в свое излюбленное кресло и прикрыл глаза. В сумерках и в абсолютной тишине легче думается. Он привык находиться в одиночестве. Всех друзей заменило ему старое кожаное кресло. Сделанное с высоким качеством и наделенное почти человеческим интеллектом, оно на долгие годы стало ему самым близким другом. Кирилл стал замечать, что, когда он садился, кресло стало поскрипывать, напоминая ему о скрипе в модулях марсианского поселения. Снова начинались воспоминания, и вновь он переживал те минуты, когда потерял и, вроде навсегда, свою единственную любовь, незабвенную Евгению, ее добрую душу и глаза, ее бездонные глаза, взгляд которых он никогда не сможет забыть. Когда ее отправляли с Марса на грузовом корабле, ее глаза были закрыты. Он простился с ней, молча глядя на белое лицо прекрасной девушки издалека. Стекланный саркофаг с подведенными к нему проводами и тру-

бочками, изолировал ее от внешнего мира. Саркофаг стоял на обыкновенной тележке с полочками, на которых располагались всевозможные медицинские приборы, обеспечивающие жизнь беспомощному человеку.

Подошел доктор Антон, хлопнув его по плечу, сказал:

– Не переживай, дружище, наша медицина сделала хороший шаг вперед. Выживет. Весь вопрос, когда она придет в себя? Она, ведь, почти не будет стареть в этом саркофаге.

– А я теперь как? Меня тоже отправят? – спросил Кирилл.

– Почему? – удивился доктор Антон.

– Ну, я же не сообщил о ней, – почти прошептал Кирилл.

– Правильно сделал. Незачем всем знать об этом. Наш Командир сказал мне, что она – дочь руководителя всего проекта. Ничего, все уляжется.

После отлета корабля к Земле, начались страшные события. Воевали с неземной жизнью всем скопом. Без конца, днем и ночью стал слышен скрип под днищами всех модулей. У многих строителей мелькала мысль, что нужно просто поднять на опоры все модули, не позволяя, таким образом, этим грызунам соприкасаться с днищами модулей. На Земле разводили руками и неслись пустые советы оказавшимся в беде «марсианам». Рекомендовали использовать высокочастотные генераторы для отпугивания грызунов, те успешно отпугивали в свое время скопления крыс в подземках многих метрополитенов мира.

После появления скрипа в модуле, в помещениях включа-

лись электрические вибраторы, скрип исчезал, но не отпугивал надолго этих тварей, стремящихся попасть внутрь модулей. Через некоторое время все возобновлялось. Получалось так, что все рабочее время космические строители убивали на войну с грызунами, для работы по плану не оставалось времени. Спать приходилось урывками. Это было сплошным наказанием, а не продуктивным строительством будущего поселения землян.

На Земле приняли решение об эвакуации Космических строителей на родную Землю, оставив все, что сделано там. Но война продолжалась еще полгода, пока на орбиту вокруг Марса не вышел большой корабль. Перед тем, как покинуть планету с ее негостеприимными обитателями, был сдвинут с места один из модулей, подвергшийся нападению незримых врагов, в дне которого реально существовала дыра с остатками следов инструмента, которым она была сделана. В грунте не оказалось никаких нор, по которым могли пробраться эти существа под днища модуля.

Что же тогда это было? Или: кто же это был?

– Не отпустит наша матушка Земля своих сыновей. Ее это проделки. Это она принуждает нас вернуться, – толи подумал, толи тихо сказал Кирилл перед самым отлетом, на что доктор Антон среагировал по-своему. Он повернулся к коллеге, заглянул ему в зрачки, поводит ладонью перед его лицом и, увидев удивленные глаза Кирилла, махнул рукой и отвернулся, уставившись в экран внешнего обзора.

Кирилл стал глубже дышать, сон одолел голову человека, склонив ее на грудь. Ему снился чудный сон. Снились не крысы, не трудные перелеты. Ему приснилась молоденькая девушка с изумительными глазами. Она улыбалась и, приветствуя его, махала рукой. Внезапно пробудившись, он увидел, как вспыхнул экран информатора. На нем было четко видно изображение молодой девушки с удивительными глазами. Девушка улыбалась ему. Он снова прикрыл глаза, до его сознания плохо доходило, что теперь это происходит наяву, а не во сне. Но до него донесся голос, забывающийся голос той, которую он встретил и полюбил там, на Марсе, той, которую он не уберег и потерял на целых сорок лет.

– Привет! Впусти меня.

– Что это? Сон или бред? – он схватился за голову, снова опустил руки, изображение не пропадало.

– Впусти же меня! – продолжала требовать девушка

Трясущимися руками он надавил на кнопку пульта. Через секунды послышались быстрые шаги молодых ног. Он поднялся с кресла и, не зная, что делать, с ужасом смотрел на приближающуюся молодую женщину. Она, увидев его, пошла еще быстрее, побежала к нему. Слезы застилали ее глаза, но она продолжала улыбаться. В шаге от него у нее вдруг подкосились ноги, выбросив руки вперед, она пыталась ухватиться за него, чтобы не упасть. Он подхватил ее на руки и сел на старое кресло, крепко прижав к себе драгоценную ношу. Он прижался щекой к ее мокрому от слез

лицу, так и сидел, не смея коснуться губами лица молодой женщины, пока она не пришла в себя. Он увидел ее открывшиеся глаза, как тогда, там, на Марсе, они были очень близко, совсем рядом. Те же прекрасные глаза, глубокие, красивые, загадочные.

– Поцелуй меня ради встречи, – прошептала она.

Он чмокнул ее в лоб пересохшими от волнения губами.

– И это – все? – спросила она дрожащим голосом.

Он отвел глаза в сторону.

– У тебя есть женщина, которую ты любишь? – уже сильно волнуясь, вновь спросила она.

Он отрицательно покачал головой.

– Тогда что – же? – через рыдания выкрикнула она. – Что нам мешает? Скажи, что мешает нам быть вместе?

Он поднялся с кресла, поставив ее на пол, взял за руку и подвел к большому зеркалу. Не говоря ни слова, он повел рукой, указывая на изображение в зеркале.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она. Покопавшись в сумочке, она достала пластиковую карточку. – Достань свое удостоверение.

Он недоуменно взглянул на нее и послушно полез в карман, чтобы достать свое удостоверение.

– Взгляни на них! – она подставила к его удостоверению личности свой документ.

– Вижу, что они, как две капли воды похожи, что дальше?

– Да! Они одинаковы, только имена разные и самое

главное, взгляни на эти цифры, – она показала пальчиком на год рождения того и другого. – Ты видишь, что мы с тобой – РОВЕСНИКИ!

Он посмотрел на нее, заулыбался и они обнялись. После долгого поцелуя, она, счастливая и улыбающаяся, сняла с ноги туфлю и, размахнувшись, со всей силы треснула длинной металлической шпилькой по зеркалу. Он отдернул ее: большое, под потолок, стекло медленно, словно нехотя, стало опускаться, шумно крошась на мраморном полу. Он взял ее за руку и повел, а она, оглянувшись на пустую стену, громко сказала:

– В нашем с тобой доме никогда не будет больших зеркал!

25.11.2016

МЕДИЦИНСКАЯ ОШИБКА

Из отпуска вернулся лейтенант Подольский, техник роты. Интересно, с какими новостями он приехал со своей Украины? На следующий день он не вышел на работу, хотя, офицеры его поджидали с самого утра, с подъема. Ротный прошелся на всякий случай в штаб полка, чтобы уточнить, когда заканчивается отпуск у зампотеха. Все оказалось верно, никаких нарушений. У Подольского был еще целый день в запасе. Когда ротный командир, вернувшись в казарму, доложил своим офицерам об этом, все слегка были расстроены, срывался праздник. Но, напрасно.

Через считанные минуты в канцелярию вошел сам Валера Подольский. После отпуска он выглядел просто отлично: красивый, помолодевший, глаза его прямо-таки светились от переизбытка энергии. Красавец мужчина, да и только. Поздоровавшись и переговорив с коллегами о служебных делах, он приступил к основному, чего так нетерпеливо ждали все ротные офицеры.

– Поскольку, во время отпуска я пошел на риск и женился, а вас у меня на свадьбе никого не было, так уж получилось, предлагаю это дело сегодня отметить у меня в гостинице, а когда прибудет жена, второй раз отгуляем мою свадьбу, – скромно, но уверенно, предложил лейтенант. – Надеюсь, что это произойдет в новом жилье, насчет которого,

мне еще сегодня предстоит вести переговоры с нашими тыловиками, – высказался Валера, взглянул на часы и предупредил. – Ну, что? Устроит всех, если сбор у меня в двадцать ноль-ноль.

– Можно и раньше начать, предложил командир взвода Женя Бельдяев.

Но, подытожил, командир роты старший лейтенант Журков.

– Мечтать не вредно, – шутя, сказал он Бельдяеву. – Договорились! В двадцать ноль-ноль встречаемся в гостинице.

Хорошо, что в полку шел парко-хозяйственный день, для более масштабных и стоящих занятий, он стал бы провальным. Рота не была готова для них. Солдаты – солдатами, когда им ни прикажи, они всегда готовы ко всему.

Не готовы были все офицеры. Они весь рабочий день провели в ожидании вечернего торжества. Этот их праздник не запланирован, поэтому, женская часть семей офицеров роты не будет присутствовать на этом мероприятии, а, следовательно, можно будет расслабиться в полной мере. Подарок не обременял умы друзей Валеры Подольского, он нужен будет в то время, когда приедет молодая жена офицера, когда будет продублирована свадьба, отгремевшая на Украине, близ Харькова. А сегодня офицеры роты собирались на обыкновенный мальчишник. Решили испробовать вкус горилки и закусить ее салом, салом с перчиком, солью и чесночком. Экономя желудки, никто из офицеров роты, в этот

день, не ходил на обед домой. Ротный писарь пробежался по квартирам, предупредив женщин, жен офицеров, что сегодня день перегружен занятиями, и они придут домой только ближе к полуночи. Обычно, жены верят в эти басни, а проверить, так ли это в самом деле, очень трудно.

Собрались вовремя, приходили поодиночке. Валера пригласил еще одного офицера, своего земляка, Виктора. Они были даже схожи внешне, оба крупные, черноволосые, даже в разговоре картавили одинаково. Ну, братья и все тут. Позже, когда все стали навеселе от выпитой горилки, расслабившийся Подольский, сидя рядом с другом, обнимал своего земляка, и, улыбаясь, громко спросил его:

– Ну, что, брат? Ты прощаешь меня за то, что оставил тебя одного в холостяках? Что поделать? Любовь зла! Очередь за тобой. Дай слово мне, нам всем, здесь сидящим, что в будущем году, мы так же будем сидеть за таким столом, но только в твоей келье, и отмечать твою свадьбу.

– Не спеши, Валера, ведь у меня и девушки-то еще нет. Была! Была, да не дождалась конца моей учебы, замуж выскочила!

– Дело поправимое. Родителям закажи, для любимого сына они такую красавицу найдут, закачаешься. Да, хохлушки, они все красивые, – разговорился всегда молчаливый командир роты, с горилки, наверное.

– Валерий Макарович! Горилку рекомендуется салом закусывать, а то ты только бананом заедаешь, – стал обучать

своего ротного захмелевший зампотех Валера Подольский. – Смотри, горилка, вещь серьезная, быстро с ног сшибет.

– Не о том мы говорим. Ты скажи, Валера, как дела с квартирой? Не сюда же ты ее приведешь?

– В принципе, она со мной, даже в шалаше согласится жить. Ну, а если серьезно, пока, комнату дают, на подселении с полковым врачом Боронком. Я его не знаю, как он из себя человек-то? Знаю только, что их двое. Детей нет.

– А, Боронк, вот такой мужик! – ротный поднял вверх большой палец на сжатом кулаке. – Да и жена у него скромная и симпатичная женщина. Думаю, что не будет у них с твоей женой проблем. Сживутся.

– Дай Бог, дай Бог, Макарыч, – сказал Валера ротному и, даже, руку ему пожал.

Вечер прошел неплохо, но лейтенант Бельдяев, не подрастав, взял на грудь немного больше положенного, тем более горилки, а не водки. Вот и пришлось ротному провожать своего подчиненного.

На следующий день в строю были все офицеры. Лейтенант Бельдяев прятал свое лицо, на плацу специально встал во вторую шеренгу строя. Ротный молчал, но другие командиры взводов без конца посмеивались над своим коллегой. После развода, когда все офицеры роты собрались в канцелярии, и дверь была плотно закрыта, Валерий Макарович стал зло выговаривать своему подчиненному недовольство по поводу его поведения. Что там у них происходило с лей-

тенантом, об этом ничего не говорилось ни тем, ни другим, но в конце своей разборки ротный сказал:

– Чтобы в последний раз я видел тебя в таком состоянии. Ведь, дошло до того, что пришлось применить силу, чтобы домой увести ничего не соображающего человека. Хорошо, что поздно уже было, иначе с утра бы пересуды были среди начальников, а все знали бы, как офицеры нашей роты гуляют.

– Прости, Макарыч, простите все. Не повторится, обещаю!

– Ладно, на этом с грязными делами покончили, – подвел итог разборкам командир роты и к этому случаю больше не возвращались.

Началась нормальная боевая учеба. Между делом, Валера Подольский оформил вызов для жены и, буквально, через месяц от нее пришло сообщение, что уже в пути. Неотложных дел и занятий с солдатами с выездом на полигоны или не стрельбище не было, поэтому, препятствий к поездке в город Магдебург лейтенанта для встречи жены не было.

Накануне дня приезда молодой супруги, зампотех обратился с неожиданной просьбой к ротному:

– Валерий Макарович. Отпусти домой, голова что-то разболелась. Толи переволновался с этой встречей моей Натальи, толи Ну, не пойму, что с моей головой, такой боли я еще никогда не чувствовал.

– О чем разговор! Давай, иди и, чтобы я тебя ни сегодня,

ни завтра не видел! Сделай все по-человечески, как надо. Да! Водителя автобуса прямо сегодня предупреди, чтобы завтра забежал за тобой, если, не дай бог, проспишь. А сегодня приведи в порядок себя и свою комнату. Кровать-то ты приобрел? А с мебелью как? Стол, стулья есть?

– Макарыч! Обижаешь! Купил все у немцев в прошедшее воскресенье.

– Ну, давай! Путем, чтобы все было, – продолжал напутствовать своего заместителя ротный.

Подольский, покачиваясь, пошел на выход, ротный, глядя ему вслед, только покачал головой. Смутное предчувствие неприятностей клином вбилося в его голову. Предчувствия не обманули его. Не прошло и получаса, посыльный от командира батальона сообщил:

– Комбат вызывает! Срочно!

– Ну, что там еще такое случилось?

– Вроде, что-то там из-за вашего Подольского.

– А что из-за Подольского могло случиться? Передай комбату, что я его отпустил. Он просто обязан встретить свою жену в Магдебурге.

– Да нет! Тут не в этом дело. Комбат встретился с ним около КПП. Подольский ни чести не отдал, и на оклик комбата никак не среагировал. Комбат говорит, что он очень пьян.

– Да быть такого не может. Он у меня отпрашивался полчаса назад, трезвый совершенно, вот, разве только что болен, голова у него сильно болит. Жаловался.

– Сходите, лучше, сами. Ну, что я ему докажу? А не пойдете, он и вас заподозрит в пьянстве. Скажет – вместе с Подольским выпивали.

Лицо ротного стало приобретать оттенок зрелого помидора на томатном кусте.

– Ты, это, давай, иди, – не сообразив, что и как сказать, проговорил писарю ротный. – Я приду сейчас.

Оставшись в канцелярии один, командир роты сел за стол, обхватил голову двумя руками и стал думать, что произошло в этот короткий отрезок времени после ухода зампотеха домой, почему разыгрывается такой скандал из-за ничего? Что он, старший лейтенант Журков, командир роты, мог сделать не так. Нужно собраться с мыслями, чтобы, придя в штаб батальона, умно и складно доложить комбату, что сегодня произошло в роте.

Не успел он еще собраться с мыслями, как в коридоре слышалась команда «Смирно» и почти тут же дверь в канцелярию рывком распахнулась, и в нее вошли сам командир, замполит батальона и вездесущий писарь.

Ротный встал и вышел из-за стола, приложил руку к фуражке и стал докладывать о состоянии дел в его подразделении. Доклад получился сбивчивым, комбат во время доклада стал усиленно дышать, поводя носом из стороны в сторону. За его спиной стоял замполит. Он тоже к чему-то принахивался и морщил свой нос. Глаза его шныряли по столу, по полу, по углам канцелярии, видимо, разыскивая следы

недавней выпивки, о которой возомнили и которую придумали сами руководители батальонного звена. Доложив, Макарыч замолчал и с нетерпением ожидал, что же требуется от него этим двум, внезапно появившимся начальникам.

– Я приказал доставить сюда лейтенанта Подольского, почему не выполнено приказание?

– Мне его никто не давал и не передавал.

Комбат, оглянувшись, посмотрел на писаря таким взглядом, что тот втянул голову в плечи, бормоча что-то несвязное:

– Я говорил, только своими словами, что

– Я разберусь еще с вами, товарищ сержант! – угрожающе прошипел замполит писарю.

– Товарищ майор, я хочу услышать причину всего скандала, разразившегося вокруг нашей роты, – пришедший в себя Журков задал вопрос командиру батальона.

– Почему ваш Подольский пьян? Служить в Армии ему надоело?

– И вам тоже? – это уже был голос замполита.

– Быть такого не может! – вспыхнул ротный.

– Я вам докажу сейчас.

– Мы! вам докажем! – акцентировал Ивашкин, он же замполит батальона.

Офицеры взглянули на писаря, который мгновенно вылетел из канцелярии, не забыв, однако, отдать честь и выкрикнуть: «Есть!». Звонящее молчание в канцелярии затя-

нулось. Изредка только, поскрипывали стулья, на которых сидели офицеры в ожидании посыльного. Наконец-то, раздались шаги сразу нескольких пар ног. В канцелярию вошли писарь и лейтенант Боронок, младший полковой врач. Лейтенант сел за стол, комбат спросил его:

– Доложите-ка, что там с Подольским? Он ведь ваш сосед?

– Да, наградил вот бог соседом – алкоголиком, – начал свой доклад врач. – Жена говорит, что пришел перед обедом, сам не свой: на приветствие не отвечал, у своих дверей завалился на пол боком и подняться не смог, так и валялся на полу до моего прихода. Я затащил его в комнату, к стенке привалил и стал наштатырем его в чувство приводить. Не реагирует, вот до чего перепил.

Потом, пена у него изо рта хлынула, всего меня перемазал. Уж я-то его по щекам хлопал, хлопал, даже не сдержался – врезал пару раз. Нет никакой реакции. Много, видать, на грудь принял.

– Товарищ Журков! Этого вам достаточно?

– Нет, товарищ майор! Медик один был. Могла быть и медицинская ошибка в диагнозе. Трезвый он! С ним что-то стряслось!

Замполит, ухмыляясь, закрутил головой, явно осуждая рассуждения ротного командира и ища поддержки среди офицеров, сидящих за столом. Однако лицо полкового врача вытянулось, словно он был чем-то моментально испуган, он приподнялся и сказав:

– Идите к нему домой, я сейчас, за старшим врачом сбегаю, – врач выскочил из канцелярии и бегом кинулся на выход.

Когда комбат, замполит и ротный подходили к подъезду «белого дома», где дали комнату Подольскому, у подъезда уже стояли младший и старший врачи полка. Старший врач, майор Ибрагимов, подошел к комбату и сказал:

– Инсульт! Он умирает! Я послал за медицинской машиной. Нужно немедленно госпитализировать.

В это время к подъезду живо подскочил командирский УАЗ, из него выпрыгнул, иначе и не скажешь, сам командир полка и бегом влетел в открытую дверь подъезда. И кто ему доложил – одному богу известно. Из подъезда раздался крик:

– Медики, к командиру!

Врачи бегом побежали на вызов, следом медленно пошли и офицеры батальона. Замполит тихо нашептывал комбату:

– Мы-то, причем. Все равно мы не смогли бы что-то изменить.

– Да, людьми нужно быть, прежде всего. Верить людям нужно, – громко сказал ротный, Валерий Макарович, но его «не услышали».

В это время командир полка, склонившись к неподвижно сидящему на полу лейтенанту, пытался изо всех сил быть услышанным:

– Лейтенант Подольский! Вы слышите меня? Подольский! Валера! Дружище, ты слышишь меня? Встань! Про-

шу тебя, поднимись с пола! Кто тебя до этого довел? Почему у него губы в крови? Кто его бил? Где машина? Машину мою, немедленно, к самому крыльцу! Я сам его повезу в госпиталь! Грузите его, да аккуратнее. Господи! Только бы жив остался!

Машина, на переднем сиденье которой сидел сам командир с лейтенантом на руках, а на заднем сиденье расположились медики и ротный, быстро набрала ход и скрылась за поворотом улицы, направляясь в госпиталь.

Офицеры всего полка насторожились в ожидании сведений из госпиталя. Сведения не были добрыми: без изменений, в сознание не приходит. Вернувшись из госпиталя, командир вызвал всех врачей и собрал их у себя в кабинете. Трудно сказать, что он им там обещал или советовал, только, после двухчасовой разборки, когда он отпустил весь медперсонал части, они старались не показываться на глаза офицерам части и просидели в полковой медсанчасти до утра.

Утром, встречать Подольскую Наталью в город Магдебург направился его земляк, друг и коллега, Виктор Черных. Только он один видел ее вживую. К этому времени новых обнадеживающих сведений о состоянии Подольского не поступало. Он упорно не приходил в себя.

Все офицеры роты по очереди сидели около больного. Изменений, кроме периодического появления белой густой пены изо рта не было. Он не пошевелил даже пальцем, слабое дыхание лишь чуть вздымало грудь. День ничего поло-

жительного не принес, а ближе к вечеру приехала его жена, Наталья.

Наталья Подольская приехала уже подготовленная к неприятностям, но она не думала, что все так плохо и, ее молодой муж находится в предсмертном состоянии. У Виктора Черных, пока они ехали до места службы, все теплилась надежда, что его другу, мужу Натальи, стало лучше. Он надеялся, что Подольский пришел в себя и теперь сможет объясниться с женой по поводу состояния его здоровья. Виктор объяснял Наталье, что с Валерой произошел какой-то приступ, не то аппендицита, не то другой какой, но ему необходим в настоящее время только покой, а, возможно, он уже прооперирован.

Покормив Наталью в офицерской столовой, Виктор привел ее в кабинет командира полка. Подполковник и молодая жена Подольского долго беседовали, она постоянно торопила командира с поездкой в госпиталь, он, командир, оттягивал время, предвидя всю тягость встречи Натальи с неподвижным, почти мертвым мужем. Они уехали спустя три часа.

Трогательная встреча молодоженов, могла и должна была быть совсем не такой. Наталья, не привыкшая еще к своему мужу, увидев неподвижного мужчину, очень похожего на ее жениха во время свадьбы, но теперь, больше напоминающего покойника, страшно испугалась. Долго ей пришлось привыкать, чтобы, пересилить себя, сесть на стул рядом с кро-

ватью и положить свою маленькую теплую ручку на холодеющую, но еще живую руку ее Валеры, ее мужа.

Через час лейтенанта Подольского не стало. Напоследок, а она не сводила с него глаз, он сделал более глубокий вздох и Грудь его больше не шевелилась, на руке она не слышала пульс. Из палаты раздался истошный крик женщины, и стало тихо. Сбежавшийся медперсонал: сестры, врач увидели следующую картину: на больничной кровати – неподвижное тело бывшего лейтенанта, на полу – молодая и красивая женщина в обмороке, а ее рука схвачена рукой мертвеца. Такого еще не было!

Гроб отправили на следующий же день, Наталью посадили в поезд во Франкфурте, визу на выезд оформил сам командир. Виктор Черных и Наталья Подольская всю ночь, перед отъездом молодой женщины домой, о чем-то договаривались, и эта бессонная ночь для них не прошла даром: на будущий год, почти в это же летнее время, из отпуска вернулся лейтенант Черных. Он пригласил всех офицеров роты, где раньше служил лейтенант Подольский, на вечеринку, в ту самую комнату, которая была выдана еще прошлый год Валере. Опять, было сало и горилка, опять лейтенант Бельдяев немного перепил, не рассчитав силы, и вновь, получил туман от командира роты. Молодая жена Виктора была, как никогда, красива. Захмелевший Валерий Макарович снова напомнил всем, что хохлушки, они все красивые.

Офицеры, гости не сводили с нее глаз, но.... Никто да-

же и подумать не мог, что Наталья Черных, та самая Наталья Подольская, первое замужество которой закончилось так трагически.

16.04.2013

МУЗЫКА ЗА СТЕНОЙ

Пятиэтажки – панельные дома, модные в свое время, до сих пор заполняют огромные площади, районы, микрорайоны наших городов, больших и малых. В одном из таких домов стала проживать и моя семья: я, моя жена и две дочери – школьницы. По истечении какого-то времени, после нашего заселения в квартиру, соседи по подъезду стали знакомыми, но были также и люди, проживающие за стенкой. Их можно было и не знать, но слышать их приходилось ежедневно.

Моя работа находилась недалеко от дома и, на обед я всегда приходил домой. За стеной, в соседней квартире громко играла музыка, но я уже привык к ней, потому она мне не мешала и не раздражала меня, тем более что в обеденный перерыв я никогда не спал. Музыка, как музыка, популярные мелодии, но я стал замечать, что мое настроение, независимо от моего дообеденного состояния, после обеда становилось совершенно иным и, я стал догадываться, что оно всецело зависело от музыки, которая раздавалась за стеной. Такая догадка меня потрясла. Чтобы разобраться в этой связи между музыкой и моим настроением после обеда, я совсем позабыл про свежую прессу.

Пообедав на скорую руку, я усаживался в кресло, поставив его напротив электрической розетки, откуда громче все-

го была слышна музыка, закрывал глаза и заставлял себя усилием воли отвлечься от забот и проблем, связанных с работой. После обеда результат уже был. Мое настроение оказалось зависимым от подбора мелодий, звучащих у соседей за стеной. Интересно, кто крутит там музыку и, почему я становлюсь зависимым от этого человека?

– Там новые люди сейчас живут. Говорят, какая-то «разведенка» с больным мальчиком. Только зачем тебе это нужно? – на мой вопрос ответила мне жена тоже вопросом.

Я с улыбкой подошел к ней, чмокнул ее в носик и сказал:

– Так! Для чистоты эксперимента.

Со следующего дня, идя на обед и возвращаясь на работу, я специально шел медленно около их окон, чтобы взглянуть на того человека, который создает мое послеобеденное настроение. К сожалению, я ни разу не смог его увидеть.

Во время обедов я продолжал слушать музыку и стал замечать, что день за днем в послеобеденное время я становлюсь каким-то злым, придирчивым и вредным в обращении со своими коллегами. Мне стали делать замечания мои же подчиненные:

– Вы до обеда были таким внимательным и добрым, все делали с улыбкой, но, побыв какой-то час дома, вы преобразились. Что с вами происходит? Неприятности, какие у вас дома, или что?

Чтобы не подвергаться расспросам и не объясняться с людьми, в эти дни моих экспериментов, я стал закрываться

в своем кабинете, ссылаясь на срочную работу с документами.

Очередной раз, придя домой на обед и, прослушав новую подборку музыки, я до того стал расстроен, что слезы беспричинно выкатывались из моих глаз.

«Что происходит со мной? Уж не схожу ли я с ума, внушив себе глупую идею о магической силе какой-то музыки?» — взволнованно думал я.

И, вот, на следующий день мне все-таки пришлось увидеть того человека, вернее, человечка, который мог подбирать музыку, соответствующую своему настроению. Его несли на руках к машине скорой помощи. Я поспешил и увидел большую голову мальчика и его маленькое и худое тельце. Когда я проходил мимо него, на меня глянули испуганные большие небесного цвета глаза светловолосого ребенка лет семи. Его увозили, а мне было жаль его. Не вынеся его взгляда, я отвернулся и недоброе предчувствие, что видел его в первый и последний раз, сильно расстроило меня.

Все последующие дни, приходя домой на обед, я ждал, что вот-вот за стеной зазвучит музыка и поднимет мне настроение, но ее не было. Я волновался и все ждал, когда же будет она звучать эта волшебная музыка? Вот вылечат мальчика, и она заиграет, успокаивал я себя. Однажды, придя домой, я еще с порога услышал музыку. Не раздеваясь, я кинулся к креслу, сел и стал слушать, забыв про обед. Но что это? То была не его музыка. Эта подборка была какой-то неправиль-

ной, безалаберной. Она мне ничего не давала. Что же случилось с малышом? Неужели так сильно отразилось на нем лечение?

Тут в соседское окно кто-то постучал, музыка смолкла, я подошел к окну и стал наблюдать. Возле окна стоял долговязый мужчина. Похоже, что он кого-то ожидал. Из двери подъезда вышла белокурая женщина и встала около него. Она стояла лицом ко мне, и я обратил внимание, что они очень схожи, тот малыш и она, те же волосы и те же большие голубые глаза. Она плакала, что-то говорила долговязому мужчине и снова плакала, а тот стоял, опустив голову. Потом, они ушли куда-то вместе.

Я подумал было, что мое предчувствие сбылось, но, тут же, отверг свое предположение. Я не хотел, чтобы навсегда исчез этот маленький одаренный, но очень больной человек.

Весь вечер я думал обо всем, произошедшем со мной в последнее время. Ближе к ночи, мне в голову пришла мысль еще раз попробовать составить подборку музыки, отражающей мое настроение. Для начала, я подобрал необходимые мне диски. Моя супруга, увидев мои приготовления, взбунтовалась, запретив мне шуметь в ночное время. Я с трудом уговорил ее, пообещав прослушать музыку негромко.

Когда зазвучала подобранная мной музыка, мне очень реально представились испуганные голубые глаза на бледном личике малыша, стало очень грустно и тоскливо. Я немно-

го прибавил громкость звучания, и некоторое время слушал, машинально меняя диски.

Раздался звонок во входную дверь. Я насторожился, услышав, что жена с кем-то разговаривает. Через минуту дверь в комнату, где я находился, открылась. Вместе с женой вошла женщина. Это ее я видел сегодня рядом с долговязым мужиком. Ее глаза были мокры от слез. Она поздоровалась и с дрожью в голосе проговорила:

– Прошу вас, не рвите мне душу. Слушая вашу музыку, я не нахожу себе места. Закрою глаза, его музыка звучит. Открою – нет моего сына, и не будет никогда.

Она снова заплакала и, не попрощавшись, ушла. Я отключил музыку, убрал записи, и долгое время к ним не прикасался.

Спустя время, я пытался еще раз добиться эффекта влияния музыки на настроение человека в домашних условиях. Эффект получился обратный. Меня попросили не шуметь и не портить людям настроение, испортив тем самым настроение мое. Просто так, без музыки.

05.06.2015

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Мрачно выглядела усадьба с большим бревенчатым домом с четырьмя окнами на улицу, с палисадником, огородом, окруженным частоколом и строениями, находящимися в конце двора: сараем для скота и русской баней. Месяцами не отворялись ворота под навесом, ни один человек не появлялся в окнах дома, лишь одни скворцы черной молнией носились откуда-то издалека к стареньким скворечникам, прибитым к стволам двух лип вековых, да ровеснице им, старой березе, растущих за дальней оградой огорода. Однако усадьба оживала, когда в ней появлялись люди, а люди здесь появлялись весной, летом и осенью. Люди, это – моя мать и я, ученик старших классов в средней школе. Мы приезжали сюда трижды в год: весной, летом и осенью, не волнуясь за сохранность усадьбы, поскольку, она находилась под присмотром двоюродных братьев моей матери, которые жили в соседних домах. Чтобы земля не пропадала даром, мы использовали ее: весной копали землю, сажали картошку, подсолнухи и так, кое-что из зелени. Летом приезжали полоть и окучивать, варить варенье из малины, которая разрослась по всему палисаду. Ну, а осенью были здесь для того, чтобы собрать урожай картошки. Во время очередного заезда в заброшенную усадьбу, я залез в небольшое пространство меж бревенчатым сараем для скота и такой же старенькой

русской баней. Бревна строений от времени потемнели, растрескались, но тепло держали хорошо и, как говорят, готовы были еще век прослужить. Между ними, огороженное с обеих сторон, было место для свалки всякого домашнего хлама, и я полез туда только лишь оттого, что мне очень уж хотелось привести в порядок весь двор старого дома в селе Медведево. Именно здесь, в этом доме родилась моя мать шестьдесят лет тому назад. В этой баньке мылся когда-то мой дед, которого я никогда не видал, он рано умер, а в сарае хозяйничала моя бабушка – поила и кормила скот, доила Буренку. Но это когда еще было?

Теперь этот дом стоял заброшенным, один одишешенек. Не бегали по двору дети, не хрюкали свиньи в сарае, не мычала корова. Сестру матери, которая жила последние годы одна в этом доме, дочь ее, Вероника сдала в Дом престарелых людей, а сама, снова исчезла на севере европейской части нашей матушки России, завербовавшись. Тетка Нюра, так привыкли мы называть родную сестру матери, стала немощна, да еще этот недуг – эпилепсия, который мучил ее ежедневно по нескольку раз и сыграл решающую роль в поступке Вероники. А у моей матери, нас было шестеро. Мать не рискнула забрать сестру из Дома престарелых людей, боясь, что не справится со всем хозяйством, у нее и самой-то сердце постоянно пошаливало.

В разгар лета мы приезжали сюда на более длительное время, нужно было прополоть и окучить посаженный кар-

тофель, обобрать малину и наварить из собранной малины много варенья. Все свободное от работы время я лазил по чердакам дома, сарая и бани, выискивая порой очень интересные вещи. На бане я наковырял из шлака вперемешку с землей, которым был утеплен потолок, много каких-то старых журналов, потряс их и связал бечевой, чтобы отвезти домой. Мать неодобрительно осмотрела этот «хлам» и попросила не тащить его домой. Тогда я принялся рассматривать журналы прямо на улице, в палисаднике старого дома. Хотя некоторые буквы были мне незнакомы, я, все же, удосужился почитать старые журналы с названием «НИВА» и с обозначенным на корке 1896 годом. Так вот, значит, когда построили этот дом, баню и сарай. Все правильно, ведь моя мать была 1904 года рождения, поэтому, она, вспоминая о своем детстве, только и рассказывала мне об этой усадьбе и об этом доме.

Таким образом, из желания привести в порядок старинную усадьбу, я оказался меж баней и сараем на куче бытового мусора. Сразу справиться со всем хламом мне бы ни за что не удалось, не хватило бы сил. Тогда, выбрав для этого время после обеда, я каждый день стал помаленьку вытаскивать оттуда скопившийся мусор и разбирать его.

Бумагу и ветки от кустов деревьев я складывал в костер, который постоянно разводил на свободном от посадок участке земли за туалетом, чтобы сжигать всякий хлам, собранный с территории усадьбы. Сухой мусор, принесенный мной

из-за бани, сгорал ярким пламенем, почти без дыма. Попадались мне и странные на вид, но полезные вещи: чугунный уютюг, с полостью внутри для углей, старая прялка, где на гребенке для расчесывания льна и превращения его в кудель, не было ломаных зубьев. Да и так-то, вся она выглядела совершенно невредимой. Эти вещи я таскал в огород и складывал на пустое место возле забора, на траву. С каждым днем вещей становилось все больше.

Даже мать заинтересовалась моими раскопками, а разглядев их, прослезилась, взяла в руки старую прялку и понесла ее в дом. Весь вечер она терла ее мокрой тряпочкой, оттирая следы десятилетий, скоблила ножиком особо загрязненные места, затем, дав ей просохнуть, поставила на стул, села на нее, повернувшись в пол-оборота к гребенке, и изобразила руками, как она тянет кудель – левой рукой, а правой рукой крутит веретено. Вместе с улыбкой на лице, слезинки одна за другой бойко бежали по ее щекам. Натешившись и наплакавшись вдоволь, она сказала:

– Мамка моя учила меня на этой самой прялке льняные нитки прясть для холста. Маленькой девчонкой я еще тогда была.

Подумав немного, она поставила прялку на стул в углу комнаты под образами и проговорила, как будто для себя:

– Пусть стоит тут, домой-то уж не возьмем, а тут — пусть стоит.

Я с трудом уговорил мать остаться еще на несколько дней.

Малина в погожие летние дни зрела на глазах: если собирали ягоды с утра, то к вечеру, когда сумерки начинали сгущаться, можно было еще раз набрать с пол ведерка малины. Я пообещал ей, что ягоды буду собирать сам, а все вечернее время она может ходить по гостям. Кроме родственников были живы ее подруги молодости, которые хорошо помнили мою мать до замужества. Сколько новостей у них накопилось за эти годы! Только большое желание моей матери встретиться с подругами юности, позволило мне добиться от нее отсрочки нашего отъезда из Медведева. Я согласен был часами сидеть около подтопка и караулить булькающее в тазике малиновое варенье, лишь бы мать могла увидеть всех своих родственников, всех подруг. Она этим пользовалась и с удовольствием отправлялась каждый день в соседние дома к своим подругам детства и юности. Они радовались встречам и, порой мне казалось, а может быть, и в самом деле было так, что моя мать от этого стала молодеть. Движения ее становились быстрыми и ловкими. Несмотря на свою полноту, она могла и пробежаться, если появлялась такая необходимость. От одного этого я был счастлив, она тоже радовалась состоянием своего здоровья.

В послеобеденное время я упорно продолжал копаться в старых вещах между сараем и баней, отыскивая все новые и новые предметы старины. В один из вечеров, когда я так вот возился в свалке вещей, а мать ушла навестить одну из подруг детства на другой конец села, краем глаза заметил

какое-то движение во дворе, но шума не было слышно. Может, кто-то пришел к нам в гости, подумал я, а матери-то дома нет. Должна подойти, на дворе уже вечереет. Кто-то в дом, видно, зашел. Меня не заметил за сараем. Ничего, выйдет — объясню. Сильно увлекаться работой не стал, все поглядывал в просвет между строениями. Удивительно, чужие куры во двор не заходили никогда, во двор им попасть невозможно, а тут, гляжу, красивый петух, важно, как павлин, выходит на середину двора, да за собой еще целый табун кур ведет. Я хотел, было, выскочить из-за сарая, да раздумал, трудно выбираться отсюда стало, весь проход завален вещами старыми, из которых большинство-то, конечно, были гнилыми, но встречались хорошие целые и, по-моему, ценные вещи и вещички. Махнув рукой на петуха, я продолжил выворачивать из мусора подходящие предметы старины. Вдруг, гляжу, по двору женщина идет с ведром, странным каким-то, будто деревянным. Помню, бадейка в колодце в Лапшине, деревне, где мы жили, а я еще маленький был совсем, точно такая же была — деревянная вся, как бочка, из мелких досок сделана и обручами металлическими стянута. Идет она, значит, и к сараю направляется, а за ней следом девчушка небольшая бежит. Не видно их стало мне за углом сарая, хотел крикнуть, кто, мол, там ходит, да какой-то страх взял меня, странно одеты уж больно они, что взрослая женщина, что малышка. Обе в длинных, по щиколотку платьях, может в юбках таких, а сверху-то вроде, как кофточки какие одеты,

обтягивающие. У женщины грудь так и выпирает из узкой коричневатой кофты, словно она — кормящая мать, а девочка одета точно, как взрослая, даже и материал того же цвета. Стою за сараем, и не знаю, что мне делать. Полон двор кур, женщина с ребенком в сарай идут, словно кормить скотину направились.

Пока думал так-то, гляжу, женщина с девочкой уже в сторону дома идут. Девчонка идет, подпрыгивает, ловит ручкой материнскую руку и что-то говорит матери, видно. Та голову повернула к малышке, тоже что-то говорит ей в ответ, а голосов не слышно. Чувствую, что со мной что-то странное происходит, а сообразить не могу, что. Скорей бы мать возвращалась. Тут, вдруг по двору от ворот в сторону сарая, высокий мужчина в черной шапке или фуражка это у него такая, на ногах сапоги черные, хромовые, а поверх длинной рубашки ремнем перетянут, большого рыжего коня ведет, за уздечку держит. Присел я, чтобы не увидел он меня, а сам думаю, что, может, я куда-то не туда залез. Может, это и двор-то чужой. Не может мне так мерещиться, трясую головой, и, вдруг голос матери со двора слышу:

— Витя! Ты где?

Привстал я чуть, вижу, мать идет, как раз по направлению к свалке, которую я задался разобрать. Кур, вместе с петухом, словно и не бывало во дворе, все как надо. Мигом выбрался из места раскопок и, первым делом, к сараю бросился, двери открыл, проверил все, никого и ничего нет, так,

хлам один. По двору прошелся, не видать ли следов лошадиных, ведь только что проводил по двору лошадь высокий и странный мужчина. И следов никаких нет! Мать в недоумении:

– Ты что, сынок, потерял, что ли, что? Скажи, чего ищешь? Да и взбудоражен весь. Не случилось ли что?

– Да, так. Привиделось, – не желая сознаваться, промямлил я.

– Да объясни толком, что привиделось-то?

– Мам. Это ты мне лучше скажи, помнишь, как с матерью в этом сарае вы животных каких-то кормили? И ведра были точно такими же, как бадейка на колодце, деревянные и обручами перетянутые.

Мать рассмеялась и, погладив меня по голове, остановилась напротив меня и стала расспрашивать:

– Ты, сынок, наверно, в мусоре шайки старые нашел? Да. Когда отца не было еще по вечерам, с матерью и ходила кормить поросят, корову, кур в этот сарай. Такая «погониха» я была, ты-то весь в меня. Поросята, там, слева, за перегородкой были, Буренка прямо тут напротив входа, а куры – под сеновалом на насестах на ночь рассаживались, а день-то они по двору лазили. Сколько их мы тогда держали, никогда не считали, но – много. Интересно тебе все стало, когда поковырялся в этих старых вещах. Нечего голову морочить, пора домой возвращаться.

Я взмолился перед матерью, долго уговаривал ее побыть

тут еще хоть пару дней, а в конце нашего разговора, решительно заявил ей, что не уеду отсюда, пока полностью не разберу свалку между строениями. Матери ничего не оставалось делать, как согласиться со мной. Она пошла мне на уступки.

На следующий день история повторилась, вечером, перед сумерками, двор наполнился и ожил. А перед этим, я, специально остался сидеть на крыльце, дочитывая журналы «Нива». Я преследовал одну единственную цель, стать свидетелем оживления усадьбы. Но ничего не происходило. Все было так, как и днем, тихо и спокойно. Мне надоело ждать, тем более что стали опускаться сумерки. Скоро придет мать, день проходит почти напрасно. Только шайки, о которых вчера говорила мне мать, я отыскал и уложил в рядок возле забора. Мусора оставалось мало за сараем, большая часть его сгорела в костре посреди огорода, часть лежит вдоль забора, осталось немного, двор будет очищен полностью. Еще одного дня мне должно хватить. Озадаченный, я залез к своим раскопкам между строений. Тут сразу все и началось, двор ожил. События разворачивались быстро. На крыльцо вышла все та же женщина, только тут я смог разглядеть, что она очень похожа на мою мать, только моложе. В голове даже мелькнула мысль, что это – она и есть. Только переделалась, да платок на голову надела. Меня так и подмывало крикнуть ей, что меня не проведешь, пусть мне голову не морочит с этими переодеваниями, но я, почему-то, не смог это-

го сделать. Какую же цель она преследует этим спектаклем? Я стал уже, было, подниматься во весь рост, как ворота открылись, и во двор въехала бричка, запряженная вчерашним рыжим конем, а под уздцы его вел вчерашний высокий мужчина в черном головном уборе.

Женщина вошла в дом и через минуту вернулась с грудным ребенком в руках, следом выбежала вчерашняя маленькая девочка. Она кривила свое личико в плаче, цепляясь за материнскую длинную юбку, но все это происходило молча, без единого звука. Следом, из дома вышла пожилая женщина, слегка сгорбленная, с седыми волосами, выбивающимися из-под платка, концы которого охватывали грудь и на спине были завязаны узлом.

Старуха пыталась поймать плачущую девочку за руку, ничего не получалось, ребенок гнался за матерью и отбивался от старой бабки, как мог. Старуха стала разбирать складки юбки, разыскивая карман, и в ее руках появилась большая конфета в яркой цветной обертке. Только так удалось успокоить девочку и оторвать ее от маминой юбки.

Высокий мужчина, по всей вероятности, мой дед, помог женщине влезть в бричку. Ворота закрылись за отъезжающей бричкой, и я услышал голос моей матери:

– Витя! Ты где? – а когда я показался за сараем, добавила. – Заканчивай работу, пойдем ужинать.

Пока готовили поесть, пока сидели за столом, я без конца задавал матери вопросы. Начал с того, что уточнил у матери,

на сколько лет тетя Нюра моложе ее, чтобы убедиться, что разница возрастов девочки и маленького ребенка, соответствует этой разнице взрослых сестер.

— Ну, я вот, родилась весной четвертого года, а она родилась через три года, — немного подумав, сказала она. — Маленькой, она все болезни на себе испытала, слабенькой родилась.

— А где лечились все больные? У вас что, прямо тут, в селе, больница была.

— Нет. Надо было в город ехать, — отвечала она мне.

— Машин ведь не было тогда, на чем вы добирались до города?

— Да, мы-то без заботы были, отец сам такую карету смастерил, словно барыни мы с ним в город катались, когда надо было в больницу поехать, или так, на ярмарку. Золотые руки у него были. Жаль, пожил мало, — грустно закончила разговор она.

А я сидел и думал, что все сойдется. Там, прячась за сараем, словно через какое-то случайно открывшееся окно, я увидел события, происходящие в этой усадьбе около шестидесяти лет назад. Как рассказать об этом матери, как объяснить ей, что мне ее довелось увидеть еще ребенком? Она только посмеется да, и никто не поверит. Лежа на кровати, я все думал, как бы сделать так, чтобы моя мать сама увидела бы все то, что видится мне в это окно. И надумал.

На следующий день все шло своим чередом. После зав-

трака мать варила варенье, растопив подтопок дровами, которые приготовил я из перегородок в сарае. Я продолжал дочистить пространство между сараем и баней, и к обеду, там обозначился чистый участок земли. Разобрал даже забор, со двора, которым закрывался вид на хлам, скопившийся за несколько десятилетий. В общем, расчистил все и ото всей души радовался, показывая свою работу матери.

– Ну и, слава богу, что в порядок приведена наша старая усадьба, – сказала она и перекрестилась.

Я подвел ее к забору с обратной стороны усадьбы и попросил, чтобы она, когда придет из гостей, подошла именно к этому месту.

– И к чему такие премудрости? – спросила мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.